18+

ДЖОРДЖ БАРР МАККАТЧЕН

БЕВЕРЛИ ИЗ ГРАУСТАРКА

КНЯГИНЯ ПОНЕВОЛЕ

адаптация и перевод
НАТАЛЬИ МЕЙТИН

Джордж Барр Маккатчен

Беверли из Граустарка. Княгиня поневоле

«Издательские решения»

Маккатчен Д.

Беверли из Граустарка. Княгиня поневоле / Д. Маккатчен — «Издательские решения»,

Американка Беверли Кэлхун едет в гости к подруге — княгине Граустарка Йетиве, но в горах её принимают за саму княгиню. Беверли решает не спорить — и игра заходит дальше, чем хотелось бы. А тут ещё таинственный бродяга Бальдос, которого она взяла в телохранители, ведёт себя совсем не как бродяга… Вторая книга о Граустарке Джорджа Барра Маккатчена в живой современной адаптации Натальи Мейтин.

© Маккатчен Д.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I 6
ГЛАВА II 8
ГЛАВА III 13
ГЛАВА IV 18
ГЛАВА V 21
ГЛАВА VI 27
ГЛАВА VII 33
ГЛАВА VIII 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Беверли из Граустарка
Княгиня поневоле

Джордж Барр Маккатчен

Переводчик Наталья Мейтин
Редактор Зинаида Граутбер
Художник, Лаборатория книжного дизайна Ingenium. Иллюстрация создана с помощью нейросети Наталья Мейтин

© Джордж Барр Маккатчен, 2026
© Наталья Мейтин, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-5971-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Беверли из Граустарка
Княгиня поневоле
Роман Джорджа Барра Маккатчена
Адаптация и перевод Натальи Мейтин

ГЛАВА I

В которой наша героиня узнаёт, что географическое невежество может стоить вам душевного спокойствия (а также о том, почему князь-убийца — это проблема даже для тех, кто живёт за тридевять земель)

Где-то далеко в горах, на самом краю земли, куда солнце заглядывает лишь на прощание, лежит маленькое княжество Граустарк. Тихий, сонный осколок тех времён, когда рыцари ещё не перевелись, а феодалы были не ругательством, а образом жизни.

Добраться туда — целое приключение. Путешественник, решившийся на этот шаг, проделывает долгий, а подчас и опасный путь из любой европейской столицы — будь то север, юг или запад. На востоке, впрочем, дороги туда и вовсе нет. Он пересекает широкие реки и бескрайние равнины, вьётся по плодородным долинам и взбирается на голые, мёртвые плато. Он петляет, карабкается и ползёт среди мрачных ущелий и острых, как клыки, гор. В один день он касается холодных облаков, а на другой — спускается в тёплую, ласковую долину.

В общем, в Граустарк не ездят развлечься.

Слишком далеко это место от остального мира. И слишком опасны пути: в горах то и дело грызутся между собой дикие племена, и никто не поручится, что ты доедешь с кошельком и с головой. Хочешь острых ощущений — милости просим. Хочешь спокойной дороги — лучше езжай с запада, через Вену или откуда-нибудь из тех краёв: там железная дорога огибает самые лютые земли.

Но если уж ты добрался до самого сердца Граустарка — считай, попал в рай.

Путник, ступивший на эту землю, невольно замирает: ему кажется, что он очутился в сказке, где всё дышит миром и счастьем. Крестьяне и поэты поют здесь в один голос — о вечной любви, и никто не фальшивит. Внизу, в долинах, и наверху, в холмах, простой пахарь благодарит судьбу за то, что родился в Граустарке. В городах и деревушках скромный торговец и его расчётливая покупательница — и те вторят ему: мир да лад. А во дворцах вельможи греют свои старые сердца любовью к древней земле предков.

Князь и нищий здесь пожимают друг другу руки — потому что любят свою землю.

А снаружи, за горами, катится по рельсам большой бездушный мир, даже не подозревая, что существует на свете такая крошечная жемчужина — княжество среди восточных гор.

По площади Граустарк — сущая песчинка среди великих держав.

Возьмёшь карту мира, станешь водить пальцем — и непременно проскочишь это крошечное зелёное пятнышко. И никто тебя не осудит, если решишь, что это опечатка или типографский обман. Но люди этой удивительной земли носят в сердцах такую любовь и такую веру в своё отечество, какой не найти в иных великих монархиях, привыкших мерить патриотизм верстами да миллионами.

Граустаркцы — народ крепкий, коренастый и отважный.

Ещё с тех давних времён, когда они сбросили татарское иго, и до самого нынешнего часа — они воины доблестные и лютые в бою. Границы их крошечного владения оставались нерушимыми сотни лет. Лишь одному врагу удалось подступиться к столице — городу Эдельвейсу, да и тот не сразу одолел.

Аксфайн — могучее княжество на севере — покорил Граустарк в конце девятнадцатого века. Но только после жестокой войны, где голод и мор оказались страшнее, чем вражеские мечи. Условия мира и контрибуция, которую павший Граустарк вынужден был заплатить, подробно описаны по меньшей мере в одной книге по истории. Кому интересно — пусть ищет сам.

Те, кто читал ту историю, конечно же, помнят, что правившая тогда княгиня Йетива вышла замуж за молодого американца в самом конце того же девятнадцатого века.

Познакомилась эта славная пара самым романтическим образом — в то время как юная княгиня путешествовала инкогнито по Соединённым Штатам. Американец (парень оказался отменный, фамилия его была Лорри) так настойчиво осаждал её сердце, что все предрассудки древнего рода рухнули, и Йетива стала его женой — с полного одобрения своих восторженных подданных.

Как он её добивался и как уговорил — это целый роман, очень увлекательный, хотя историки о нём скромно умалчивают.

Но сейчас не о том. Эта история — про другие дни. Не будем ворошить прошлое, тем более что нас ждут события куда более свежие и запутанные. Скажем лишь, что Гренфолл Лорри (так звали счастливца) победил всех соперников и все преграды, а заодно завоевал бесконечную любовь и уважение граустаркцев.

Со свадьбы минуло два года.

Лорри с женой-княгиней обосновались в Вашингтоне, но каждый год проводили несколько месяцев в Эдельвейсе. На то время, пока они путешествовали или жили в Америке, делами Граустарка заправлял старый суровый дипломат — дядюшка княгини, граф Каспар Хальфонт. Человек был надёжный, как скала, и сухой, как старый пергамент.

Княгиня Волга правила в Аксфайне регентшей при малолетнем наследнике.

К югу лежало княжество Давсберген, которым правил молодой князь Дантан. Его единокровный брат, свергнутый князь Габриэль, уже два года сидел в подземелье Граустарка — осуждённый за убийство князя Лоренца Аксфайнского, того самого, что когда-то сватался к Йетиве.

И вот, после того как Лорри с женой во второй раз погостили в Эдельвейсе, дела приняли серьёзный оборот.

Габриэль бежал.

Его сторонники в Давсбергене подняли мятеж. Дантан был вышвырнут с престола в Серросе. Как только Габриэль появился в столице, армия Давсбергена — та самая, что недавно его презирала, — развернулась на сто восемьдесят градусов и присягнула беглецу. Через три дня после побега Габриэль уже восседал на троне, строил козни против Йетивы и обещал награду за голову несчастного Дантана, который теперь скрывался в холмах на границе Граустарка.

Вот так начинается эта история.

А в следующей главе мы наконец познакомимся с самой Беверли Кэлхун — девушкой, которая не искала приключений, но они, как водится, нашли её сами.

ГЛАВА II

О том, что значит быть южанкой, отказывать коронованным особам и как вовремя уговорить тётю Жозефину.

Майор Джордж Кэлхун был конгрессменом от одного из южных штатов. Его предки представляли тот же самый округ, и, если в мире есть хоть какая-то справедливость, потомки тоже будут его представлять — потому что привычка, знаете ли, дело наследственное. Пока бесстрашные первопроходцы прокладывали тропы через дикие земли к западу от Аллеганских гор, сильная ветвь клана Кэлхунов шла за ними по пятам. Прадед майора собственными глазами увидел славу и возможности новой территории. Он смело двинулся на запад с революционных земель, бросив роскошь и традиции Каролины ради свежей, дикой, полной обещаний жизни. Его сыновья и дочери стали прочными камнями в основании нового штата, а внуки до сих пор на том же фундаменте и работают. Законодательное собрание штата и Конгресс знали Кэлхунов с самого начала. Поля сражений испытали их храбрость, а гостиные — их благородство.

Майор Кэлхун воевал под началом самого Джексона по прозвищу Каменная Стена и заслужил свои шпоры — а заодно сердце и руку Бетти Хэсуэлл, самой преданной конфедератки, которая когда-либо шила флаги, бинты и молитвы для парней в серых мундирах. Когда наступила эпоха Реконструкции, он пошёл в Конгресс, а позже сделал карьеру на консульской службе Соединённых Штатов, много лет занимая важный пост в Европе. В начале девяностых Конгресс снова призвал его, и там он находится и по сей день.

В вашингтонских светских и дипломатических кругах все восхищались прекрасной Беверли Кэлхун. По нежному выражению самого майора, она была его «младшенькой». Прелестная южанка блистала в столице уже два сезона. Купидон, встав прямо перед ней, безжалостно и неотразимо пускал свои стрелы в проходящие толпы, и весь мужской Вашингтон смиренно взирал на неё в надежде на бальзам, который успокоит его страдания. Лукавый бог любви был честен: девушку, которую сделал своей невольной и, может быть, ни о чём не подозревающей союзницей, он берёг. Он держал свой непроницаемый щит между её сердцем и атаками целой армии поклонников — знатных и простых, великих и малых. Не праздной молвой было сказано, что она отказалась от короны-другой, что ей предлагали миллионы не одного американского Мидаса и что она мягко, но твёрдо обошлась с добрым десятком сердец, у которых не было ничего, кроме любви, амбиций и бедности, чтобы поддержать их в этой битве.

Кэлхуны жили в красивом доме неподалёку от резиденции мистера и миссис Гренфолл Лорри. Казалось вполне естественным, что две красивые молодые женщины станут постоянными и верными подругами. Такие красавицы, как они, не имеют причин для ревности. Только женщина, не уверенная в своих личных чарах, взращивает в себе зависть. В доме княгини Граустарка Беверли встречалась с герцогами и баронами с далёкого Востока; именно в тепле кэлхуновского гостеприимства Йетива прониклась самой глубокой любовью к американскому народу.

Мисс Беверли не была ни высокой, ни низкой. Она была того божественного и неопределённого среднего роста — стройной, но безупречно сложенной; сильной, но грациозной; совершенно здоровой молодой особой, чья красота отлично умела сама за собой ухаживать. Не зная сердечных ран и не витая в мечтах, она спала хорошо, ела хорошо и наслаждалась каждой минутой жизни. В её крови текла тёплая, нетерпеливая южная пылкость; наследственная любовь к покою и роскоши проявлялась в каждой эмоции; мужского восхищения она ждала так же естественно, как любая дочь той земли, где женщины рождаются, чтобы ожидать рыцарства и поклонения.

Пара лет в нью-йоркском пансионе для благородных девиц заметно пригладила прелестный южный говорок мисс Кэлхун. Многие из её восхитительных южных фраз и манер были загублены холодной, неромантичной атмосферой пансиона, которым руководили две леди из Бостона — слишком старые, чтобы выйти замуж, слишком скупые, чтобы любить, и слишком чопорные, чтобы думать, что другим женщинам может хотеться и того и другого. Однако бывали моменты — когда она была взволнована или воодушевлена, — когда хорошенькая Беверли так забывала своё воспитание, что выпаливала что-нибудь вроде «надысь», «истинный крест» или «да ну тя». А когда оркестр играл «Дикси», она не боялась встать и помахать платочком. Северянин, оказавшийся с ней в такие минуты, обычно обнаруживал, что делает то же самое, прежде чем успевал уклониться от заразы.

Лицо мисс Кэлхун было из тех, что втайне мечтает написать каждый художник. Оно ни на миг не бывало скучным; в каждой чёрточке, в каждом взгляде жило выражение; жизнь, настоящая жизнь обитала в этом подвижном лице, которое заставляло оборачиваться каждого мужчину и каждую женщину, смотревших на него. Волосы у неё были тёмно-каштановые и густые; глаза — глубоко-серые, глядящие из-под длинных чёрных ресниц с такой живостью, будто они видели что-то, чего никто другой не замечал; губы — красные и всегда готовые улыбнуться или, если надо, сложиться в жалобную гримасу; лоб — широкий и светлый, а хмурилась она так же опасно, как улыбалась. Что касается возраста — если майор не слишком осторожно признался, что все его дети уже достаточно взрослые, чтобы голосовать, то мать с неохотой, присущей женщинам, признала, что дочери за двадцать. Так что год-другой в ту или другую сторону — и возраст мисс Беверли можно считать установленным, насколько это важно для нашего повествования. Её старший брат — Кит Кэлхун (тот самый, с наследственным правом на место в Конгрессе) — считал, что она слишком молода для замужества, а второй брат, Дэн, утверждал, что она скоро станет слишком старой, чтобы привлекать мужчин с серьёзными намерениями. Люси, единственная сестра, счастливо пробывшая замужем десять лет, советовала ей и не думать о браке, пока она не станет достаточно взрослой, чтобы понимать, чего хочет.

Ближе к концу одного из самых блестящих сезонов, какие когда-либо знала столица, меньше чем за две недели до закрытия Конгресса, жена Гренфолла Лорри получила известие, которое повергло в уныние всё светское общество. Дюжина приёмов, чаепитий и балов должна была лишиться своего главного украшения; хозяйки были в отчаянии. Княгиню призвали в Граустарк.

Беверли Кэлхун была несчастна. Она слышала историю о побеге Габриэля и о том, что это грозит войной с Аксфайном. Не нужно было большого воображения, чтобы убедить себя, что Лорри спешат туда, где их ждут интриги, распри и кровопролитие, и что не только Граустарк, но и сама княгиня в опасности.

Самые заветные надежды мисс Кэлхун рухнули, когда выяснилось, что Йетиву в Эдельвейс зовут не удовольствия, а неприятности. У них был план: Беверли проведёт восхитительные летние месяцы в Граустарке, гостьей княжеского дворца. Первоначальные планы Лорри были безнадёжно расстроены последними известиями от графа Хальфонта. Им пришлось уехать из Вашингтона на два месяца раньше, чем они собирались, и они не могли взять Беверли Кэлхун в охваченный опасностями Граустарк. Задуманную поездку в Санкт-Петербург и прочие удовольствия пришлось отменить, и подруги не скрывали слёз.

Горничные Йетивы укладывали чемоданы, слуги Лорри в дикой спешке готовились к отъезду на субботнем корабле. В пятницу днём Беверли, естественно, была там, где от неё было больше всего хлопот и меньше всего толку, — у Лорри. Она сама признавалась, что задерживает сборы. Почтительные служанки и почтительные слуги то и дело приходили в будуар княгини с вопросами, и Беверли столь же часто со слезами обещала оставить дом в покое — если такую кутерьму вообще можно назвать покоем. Посетители приходили десятками, но Йетива

никого не желала видеть. Письма, телеграммы и телефонные звонки чуть не завалили её секретаря; лакей и дворецкий буквально задыхались от напряжения. А обе подруги сидели унылые и одинокие в тоскливой комнате, которая когда-то была обителью чистого блаженства. Гренфолл Лорри уехал в город — улаживать все дела, которые можно было уладить немедленно. Княгиня с её услужливой свитой должна была вечерним экспрессом отправиться в Нью-Йорк, а на следующий день уже быть в море.

— Я знаю, что проплачу всё лето, — с глубоким убеждением поклялась мисс Кэлхун. — Это просто ужас ужасный.

Она откинулась на подушки дивана, и её шляпка являла собой картину жестокого запустения. Три часа подряд она упрямо отвергала мольбы Йетивы снять шляпу, настаивая на том, что не может позволить себе задержаться дольше чем на минуту-другую.

— Мне кажется, Йетива, твои тюремщики совсем никуда не годятся, раз напустили на тебя все эти неприятности, — пожаловалась она.

— Князь Габриэль — сама суть неприятностей, — призналась Йетива жалобно. — Он рождён, чтобы досаждать людям, прямо как злой принц из сказок.

— Вот бы его к нам сюда, — решительно ответила американка. — Вот тогда бы он у нас недолго досаждал. Мы, знаешь ли, не привыкли долго переживать из-за мелких неприятностей.

— Но он там ужасно важная персона, Беверли; в этом-то вся трудность, — торжественно сказала Йетива. — Понимаешь, он осуждённый убийца.

— Тогда надо его повесить или на электрический стул посадить — или что там у вас делают с убийцами, — немедленно заявила Беверли.

— Но, дорогая, ты не понимаешь. Он не позволяет себя ни повесить, ни посадить на электрический стул, моя милая. Ситуация совершенно обратная, если верить тому, что пишет мой дядя. Когда дядя Каспар отправил посланника с почтительным уведомлением, что Граустарк возложит ответственность на Давсберген, если Габриэля не выдадут, сам Габриэль ответил: «Граустарк может катиться к чёрту!»

— Как грубо с его стороны, особенно когда твой дядя был так вежлив. Должно быть, он очень неприятный человек, — объявила мисс Кэлхун.

— Уверена, он бы тебе не понравился, — сказала княгиня. — Его брат, которого согнали с трона — и из столицы, кстати говоря, — совсем другой. Я его не видела, но мои министры считают его прекрасным молодым человеком.

— О, как бы я хотела, чтобы он вернулся со своей армией и уничтожил этого старого Габриэля! — воскликнула Беверли, свирепо хмурясь.

— Увы, — вздохнула княгиня, — у него нет армии, и, кроме того, ему самому очень трудно не быть уничтоженным. Армия перешла на сторону князя Габриэля.

— Подумаешь! — усмехнулась мисс Кэлхун, думавшая в этот момент об огромных армиях, которые Соединённые Штаты могут выставить по первому зову. — Что толку от такой смехотворной маленькой армии? Батальон из форта Томас разбил бы её в…

— Не хвастайся, дорогая, — прервала Йетива с бледной улыбкой. — В Давсбергене постоянная армия в десять тысяч отличных солдат. С военными резервами у них вдвое больше боеспособных сил, чем я могу выставить.

— Но ваши мужчины такие храбрые! — воскликнула Беверли, наслышанная об их доблести.

— Это правда, благослови их Господь; но ты забываешь, что нам придётся атаковать Габриэля на его собственной территории. Чтобы снова захватить его, нужна опасная экспедиция в горы Давсбергена, и я очень боюсь. Ох, Господи, надеюсь, он сдастся мирно!

— И снова сядет в тюрьму на всю жизнь? — воскликнула мисс Кэлхун. — Дорогая, это слишком многого от него ожидать. Я думаю, куда веселее буянить на воле, чем отбивать

пальцы ног о непоколебимую каменную стену изнутри. Его нельзя винить за то, что он немного подрался.

— Нет, наверное, — согласилась княгиня уныло. — Грен, знаешь, просто счастлив от всего этого ужасного дела, Беверли. Он полон энтузиазма и положительно жаждет оказаться в Граустарке — прямо в самой гуще событий. Послушать его — так подумаешь, что у князя Габриэля нет никаких шансов. Он продержал меня до четырёх утра, рассказывая, что Давсберген понятия не имеет, на какой подводный камень он налетит. Я смутно догадываюсь, что он имел в виду; его манера не оставляла места для сомнений. Ещё он сказал, что мы так тряхнём Давсберген, что он с карты свалится. Звучит обнадёживающе, правда?

— Очень забавно слышать от тебя такие выражения, — признала Беверли, — даже если они пересказаны с чужих слов. Ты не создана для сленга.

— Но ведь это всё хорошие английские слова, — возразила Йетива. — О, Господи, интересно, что они сейчас делают в Граустарке. Они уже сражаются или…

— Нет, они пока только разговаривают. Разве ты не знаешь, дорогая, что никогда не бывает драки, пока обе стороны не отговорятся до потери пульса? У нас будет шесть месяцев разговоров и неделя-другая драки, как это всегда бывает в наши дни.

— О, вы, американцы, у вас такой удобный взгляд на вещи! — воскликнула княгиня. — Вы никогда не видите серьёзную сторону жизни?

— Дорогая моя, американец всегда заставляет другого видеть серьёзную сторону жизни, — сказала Беверли.

— Ты не была бы такой оптимисткой, если бы этот другой был страной намного больше и могущественнее Америки.

— Это прозвучало ужасно хвастливо, да? Но нас так воспитали, что тут поделаешь, — даже нас, южан, которые знают, что такое быть битыми. Чтобы такая девушка, как я, рассуждала о войне и неприятностях — это же смешно, правда?

— Тем не менее я хотела бы видеть всё твоими милыми серыми глазами. О, как бы я хотела, чтобы ты была со мной все эти месяцы. Ты была бы мне такой поддержкой — такой радостью. Ничто не казалось бы таким трудным, если бы ты была рядом и заставляла меня смотреть на вещи твоими храбрыми американскими глазами.

Княгиня обняла Беверли за шею и привлекла к себе.

— Но у мистера Лорри есть превосходная пара американских глаз, — запротестовала мисс Беверли, преданно и очень счастливо.

— Знаю, дорогая, но это мужские глаза. Понимаешь, есть разница. Я не осмелилась бы плакать, когда он смотрит, но я могла бы реветь целый день, если бы ты была рядом, чтобы утешить меня. Он думает, что я очень храбрая, — а это не так, — уныло призналась она.

— О, я ужасная трусиха, — объяснила Беверли утешительно. — Я думаю, ты самая храбрая девушка в мире, — добавила она. — Разве ты не помнишь, что ты сделала, когда… — и тут она вспомнила истории, которые два года назад долетели из Граустарка раньше самих новобрачных. Йетиве в конце концов пришлось зажать рукой губы восторженной гостье.

— Тише, — воскликнула она, краснея. — Ты заставляешь меня чувствовать себя… как это вы называете… героиней дешёвого романа?

— Бульварной героиней? Никогда! — воскликнула Беверли сурово.

В этот момент приехали важные гости из правительственных кругов, и княгиня не могла отказать им в приёме. Беверли Кэлхун неохотно удалилась, но только после того, как пообещала проводить Лорри на вокзал.

Чемоданы уже сдали в багаж, и в доме стало тише, чем за много дней. Повсюду чувствовалась атмосфера подавленности, источником которой была комната наверху, где мрачный Халкинс подавал ужин не слишком разговорчивой молодой паре.

— Всё будет хорошо, дорогая, — сказал Лорри, угадав мысли жены, которая сидела, хмуро глядя прямо перед собой. — Как только мы доберёмся до Эдельвейса, всё это дело покажется таким простым, что мы сами посмеёмся над сегодняшними страхами. Видишь ли, сейчас мы далеко.

— Я боюсь только того, что может случиться до того, как мы туда доберёмся, Грен, — просто сказала она. Он наклонился и поцеловал её руку, улыбаясь тому, какое ударение она бессознательно сделала на местоимении «мы».

О Беверли Кэлхун доложили как раз перед тем, как подали кофе, и через минуту она уже была в комнате. Она остановилась прямо у двери, щёлкнула каблучками и торжественно поднесла руку к «козырьку». Глаза её сверкали, губы дрожали от с трудом сдерживаемого волнения.

— Кажется, в следующем месяце я смогу явиться к вам с докладом в Эдельвейс, генерал, — объявила она с военной серьёзностью. Слушатели уставились на живописного рекрута, а Халкинс до такой степени забылся, что уронил кусок сахара мистера Лорри на стол, а не в чашку.

— Объяснитесь, сержант! — наконец вымолвил Лорри. Глаза княгини начали обретать восторженный блеск.

— Можно мне чашечку кофе, пожалуйста, сэр? Я так разволновалась, что дома не смогла съесть ни кусочка.

Она грациозно скользнула на стул, который пододвинул Халкинс, и разразилась восторженным хихиканьем, которое привело бы к военному суду, служи она под началом любого другого командира, кроме Любви.

Щедро пересыпая речь южными словечками, она кое-как объяснила, что майор пообещал отпустить её к друзьям в посольство в Санкт-Петербурге в апреле — через месяц или около того после отъезда Лорри.

— Он хотел знать, где бы я предпочла провести весну — в Вашингтоне или Лексингтоне, а я сказала ему — в Санкт-Петербурге. У нас был ужасный спор, и никто из нас не съел ни крошки за ужином. Мама сказала, что поехать в Санкт-Петербург можно, только если тётя Жозефина тоже не передумала. Видите ли, тётя чуть не обмерла от страха, когда услышала, что в Граустарке возможна война, — будто такая крошечная война может что-то изменить в далёкой России, за сотни тысяч миль отсюда — (с презрительным взмахом руки) — и тогда я просто заставила тётю сказать, что она поедет в Санкт-Петербург в апреле — на целый месяц раньше, чем она вообще собиралась, — и…

— Милая, милая Беверли! — воскликнула Йетива, радостно бросаясь вокруг стола, чтобы обнять её.

— И Санкт-Петербург на самом деле не за сотни тысяч миль от Эдельвейса, — весело воскликнула Беверли.

— Гораздо меньше, — сказал Лорри, улыбаясь. — Но ты ведь не рассчитываешь приехать в Эдельвейс, если там будут сражаться? Мы не можем и думать о том, чтобы позволить тебе это, ты же понимаешь. Твоя мать никогда бы…

— Моя мать не боялась войны куда большей, чем та, что может случиться у вас, — воскликнула Беверли обиженно. — Вы не сможете мне помешать, если я решу поехать в Граустарк.

— Твой отец знает, что ты замышляешь такую поездку? — спросил Лорри, пожимая её руку и с сомнением глядя в полные слёз голубые глаза жены.

— Нет, не знает, — признала Беверли немного вызывающе.

— Он мог бы тебе помешать, знаешь ли, — заметил он. Йетива благоразумно молчала.

— Но он ничего не узнает об этом, — торжествующе воскликнула Беверли.

— Я мог бы ему сказать, знаешь ли, — сказал Лорри.

— Нет, вы не способны на такую подлость, — объявила Беверли. — Вы не из таких.

ГЛАВА III

Как испортить идеальную поездку: сбежавшие проводники, трусливый конвой и кучер с тёмным прошлым

Тяжёлый дилижанс медленно, почти мучительно тащился по узкой дороге, которая вилась у подножия горы. Его везли четыре лошади, а на козлах сидели двое грубых, нечёсаных русских мужиков — один держал вожжи, другой откинулся в ленивой дремоте.

Был июнь, и весь мир казался мягким, сладким и радостным. Справа бурлил горный поток, бешено вздымаясь от чуждых ему вод весеннего половодья. Впереди скрипучего дилижанса ехали четверо всадников — все тяжело вооружённые; ещё четверо следовали на некотором расстоянии позади. Сбоку от кареты ехал офицер русской конной полиции, позвякивая амуницией с таким усердием, что это расстраивало по крайней мере одного пассажира внутри.

Окна в дверцах кареты были опущены, позволяя свежему горному воздуху нежно ласкать лицо молодой женщины, которая пыталась устроиться поудобнее на одном из широких сидений. С раннего утра она боролась с неудобствами этого сиденья, и к позднему вечеру терпение её кончилось. Напротив разместились грузная немолодая няня и внушительная куча сумок и коробок. Коробки то и дело опрокидывались, сумки вечно попадали под ноги некогда спокойной служанке, которая за долгие годы отлично научилась скрывать гнев.

— Сколько нам ещё ехать, лейтенант? — спросила девушка на заднем сиденье жалобно, даже смиренно.

Офицер очень старательно выговаривал английские слова. Его рекомендовали как лучшего лингвиста на службе в Радовиче, и репутацию надо было поддерживать.

— Ещё час будет есть, но не больше, — сумел он сообщить ей с уверенной улыбкой.

— О, Господи, — вздохнула она, — целый час этого!

— Скоро будем там, мисс Беверли; вы только успокойтесь, расслабьтесь, и мы… — но верный совет старой няни потонул в гневном возгласе, сопровождавшем очередное падение сумок и коробок. Колёса дилижанса внезапно провалились в глубокую колею. Ворчание тёти Фанни едва ли было сильнее, чем стоны бедной мисс Беверли.

— Становится всё хуже и хуже, — воскликнула хозяйка тёти Фанни капризно. — Я вся в синяках с головы до ног, а ты, тётя Фанни?

— Насчёт синяков не знаю, мисс Беверли. Дорога-то — хуже некуда, это точно. Сиди уж там, ради бога! — заключила она, заталкивая сумку в верхний угол.

Мисс Кэлхун, путешественница необыкновенная, снова обратилась к лингвисту в седле. Она с самого начала знала, что затея безнадёжна, но не могла придумать лучшего способа скоротать следующий час, чем вытянуть из офицера хоть крупицу информации.

— Ну что ж, давайте поболтаем по-хорошему, — сказала она, одарив седого русского сияющей улыбкой. — В деревне есть приличная гостиница?

Они были уже на краю деревни, когда ей наконец удалось выяснить всё, что можно, а было этого, надо сказать, не так уж много. Она узнала, что городок Балак находится в Аксфайне, меньше чем в миле от границы Граустарка. На главной улице есть дом, где можно поесть и переночевать, а население не превышает трёхсот человек.

Когда на следующее утро мисс Беверли проснулась — разбитая и расстроенная, — она вспоминала ночь с ужасом, который сон любезно прерывал лишь время от времени. Это жалкое заведение надолго осталось в её тайном списке кошмаров. Её кровать была не кроватью — это была пытка. Комната, стол, да и вообще всё — слишком отвратительно для описания. Единственным другом в этой ужасной дыре была усталость. Тётя Фанни спала на полу возле койки своей госпожи, и именно её ворчание разбудило Беверли. Солнце уже карабкалось по

горам на востоке, и повсюду чувствовалось какое-то оживление. Часы Беверли показывали, что уже за восемь.

— Господи помилуй! — воскликнула она. — Уже почти полдень, тётя Фанни. Давай скорее, помоги мне встать. Мы должны убраться из этого мерзкого места через десять минут. — Она вскочила и заметалась в возбуждении.

— А завтракать? — слабо спросила тётя Фанни.

— Господи, тётя Фанни, ты только о еде и думаешь?

— Ну, милая, ближе к одиннадцати вы сами вспомните про завтрак. Ваш маленький животик сильно рассердится, если вы не…

— Ладно, тётя Фанни, сбегай и скажи хозяйке, чтобы собрала нам завтрак с собой — съедим в дороге. Я категорически отказываюсь есть ещё хоть кусок в этой ужасной столовой. Буду через десять минут.

Она спустилась раньше. Сон, каким бы тяжёлым он ни был, заметно восстановил её силы. Она объявила, что готова ко всему; в том, как она отдавала распоряжения к отъезду, сквозило здоровое презрение к трудностям предстоящей поездки через горы. Русский офицер встретил её у входа в гостиницу. Говорил он по-английски ещё хуже, чем раньше, но в конце концов сумел объяснить, что получил разрешение сопровождать её до Ганлука — городка в Граустарке, находившегося не более чем в пятнадцати милях от Эдельвейса и по крайней мере в двух днях пути от Балака. Были наняты двое опытных аксфайнских проводников, и отряд был совсем готов к выезду. Его предупредили, что на диких горных перевалах к северу от Ганлука хозяйничают разбойники. Русские не могли ехать дальше Ганлука из-за княжеского указа из Эдельвейса, запрещавшего приближаться к столице вооружённым отрядам. Однако в том городе, заверил он, она без труда сможет получить эскорт из граустаркских солдат.

Пока тяжёлый дилижанс полз по горной дороге, всё дальше и дальше в угрюмые пустынные места, Беверли Кэлхун ухитрилась вытянуть из несговорчивого лейтенанта немало сведений о положении дел в Граустарке. Она с нетерпением ждала момента, когда можно будет узнать что-то определённое. Перед отъездом из Санкт-Петербурга в начале недели её заверили, что состояние войны не объявлено. Княгиня Йетива находилась в Эдельвейсе уже шесть недель. Вскоре после её возвращения из Америки был составлен официальный запрос, требующий от Давсбергена выдать особу князя Габриэля властям Граустарка. На этот запрос не последовало определённого ответа — Давсберген нагло попросил время на размышление. Аксфайн немедленно отправил посланника в Эдельвейс с заявлением, что все дружественные отношения между двумя правительствами прекратятся, если Граустарк не предпримет решительных шагов к поимке убийцы-князя. С одной стороны несчастного княжества сильная и властная княгиня подстрекала Граустарк к драке, а с другой стороны не менее агрессивный народ издевался над Йетивой, предлагая ей прийти и забрать беглеца, если сможет. Бедная княгиня оказалась между двух зол, и борьба казалась неизбежной. В Балаке стало известно, что Аксфайн недавно отправил последнее обращение к правительству Граустарка, и не было секретом, что к посланию прилагалось нечто вроде угрозы.

Князь Габриэль полностью контролировал Серрос и был склонен смеяться над требованиями своих бывших тюремщиков. Его единокровный брат, свергнутый князь Дантан, всё ещё скрывался в горных твердынях, защищаемый небольшой группой дворян, и не было надежды, что он когда-либо вернёт себе корону. Власть Габриэля над армией была абсолютной. Простой народ восхищался Дантаном, но был бессилен перед обстоятельствами.

— Но почему Аксфайн пытается досаждать Граустарку именно сейчас? — потребовала ответа Беверли Кэлхун в недоумении и гневе. — Я думала, они попытаются ему помочь.

— Есть люди, которые против курса правительства, — сообщил офицер на ломаном английском, — но она в значительном меньшинстве. Аксфайнцы ненавидят Граустарк со времён последней войны, а княгиня Волга терпеть не может американца, мужа Йетивы. Ни для

кого не секрет, что герцог Мизрокс возглавляет оппозицию княгине Волге, и она непременно отрубит ему голову, если представится случай. Он дружествен Граустарку и с самого начала был против политики своей княгини.

— Я бы расцеловала герцога Мизрокса! — горячо воскликнула Беверли. Офицер не понял её, но тётя Фанни была шокирована.

— Господи Иисусе! — пробормотала она, обращаясь к сумкам и коробкам.

Когда карета покатила всё глубже и глубже в скалистую глушь, Беверли Кэлхун почувствовала, как её охватывает невольный трепет. Храбрая, порывистая девушка весело окунулась в приключение, которое теперь завело её в самую смертельную неизвестность, почти не думая о последствиях.

Первый этап путешествия на дилижансе был забавен. Они ехали по приятным дорогам, через живописные деревни, среди интересных людей, и продвигались быстро. Второй этап уже сулил немало пугающего, а третий день обещал ещё большие трудности. Выглядывая из окон кареты на тихое, безлюдное величие окружающего мира, бедная Беверли начала понимать, насколько она жалка, беспомощна и одинока. Её спутники были грубыми, злобными на вид людьми, любой из которых мог внушить ужас одним взглядом. Она доверила себя заботе этих странных созданий в минуту вдохновенной храбрости, и теперь была вынуждена сожалеть о своём поступке. Правда, до сих пор они показали себя достойными защитниками, но одна мысль о том, что она в их власти, приводила её в ужас теперь, когда у неё было время обдумать положение.

Командир отряда был рекомендован как доверенный слуга царя; американский консул организовал для неё эскорт непосредственно от властей пограничного патруля. Высокопоставленные лица поручились за честность отряда, но всё это было забыто в величественном одиночестве гор. Она начинала бояться своего эскорта больше, чем разбойников в горах.

Предательство, казалось, было написано у них на спинах, когда они ехали впереди неё. Крупный офицер был неизменно вежлив и внимателен, но она была готова не доверять ему по малейшему поводу. Эти люди не могли не знать, что она богата, и было разумно предположить, что она везёт с собой деньги и драгоценности. В своём воображении она уже видела, как эти предатели грабят её сумки и коробки в каком-нибудь тёмном ущелье, а потом… были и другие ужасы, которые почти парализовали её, когда она позволяла себе о них думать.

Там и сям путешественники проезжали мимо убогих лачуг, где жили лесорубы и горцы, и изредка одинокий, но живописный всадник останавливался и уступал им дорогу. Чем глубже карета проникала в ущелье, тем меньше становилось признаков человеческой жизни и деятельности. Солнце не могло послать свой свет в эту мрачную гранитную могилу. Стук колёс и цокот копыт звучали как непрекращающиеся раскаты грома в ушах нежной путешественницы — лакомого кусочка среди ястребов и волков.

В её голосе был явственный оттенок дрожи, когда она наконец набралась духу спросить офицера, где они будут ночевать. Давно миновал полдень, и тётя Фанни предложила открыть корзины с едой. Вызвали одного из проводников — начальник был так же не в курсе, как и его подопечная.

— В двадцати милях нет ни одной деревни, — сказал он, — придётся ночевать в ущелье.

Голос Беверли дрогнул:

— Здесь, в этом ужасном…

И тут она быстро взяла себя в руки. Ей вдруг пришло в голову, что она не должна показывать этим людям, что боится. Голос её стал чуть пронзительнее, глаза засверкали странным новым светом, когда она продолжила, полностью меняя тактику:

— Как романтично! Я всегда мечтала о чём-нибудь подобном.

Офицер выглядел озадаченным и ничего не сказал. Тётя Фанни лишилась дара речи. Позже, когда лейтенант поехал вперёд совещаться с проводниками о подозрительных дей-

ствиях небольшого отряда всадников, которых они видели, Беверли призналась старой няне, что напугана до полусмерти, но скорее умрёт, чем мужчины увидят хоть тень трусости в комто из Кэлхунов. Тётя Фанни такой гордостью не отличалась, и её нервной юной госпоже стоило немалого труда унять вопли, которые давно уже копились в огромной и бурной груди тёти Фанни.

— Господи Иисусе, мисс Беверли, они нас всех порубают на куски и заберут наши драгоценности и деньги, и одежду, и всё, что у нас есть. Господи, давайте вернёмся, мисс Беверли. У нас здесь в горах не больше шансов, чем у…

— Молчи, тётя Фанни! — приказала Беверли с прекрасной демонстрацией храбрости. — Ты должна быть смелой. Разве ты не видишь, что мы не можем повернуть назад? Это не менее опасно, даже гораздо опаснее. Если мы покажем, что ни капельки не боимся, они будут нас уважать, понимаешь? А мужчины никогда не обижают женщин, которых уважают.

— Хм! — отозвалась тётя Фанни с преувеличенной иронией.

— Правда-правда, никогда! — настаивала Беверли, которая вовсе не была в этом уверена. — И они выглядят как очень хорошие люди — честные люди, даже если у них такие ужасные бороды.

— Это самый паршивый сброд, какой я только видела, — взорвалась тётя Фанни.

— Тсс! Не дай им услышать, — прошептала Беверли.

Несмотря на ужас и смятение, она не могла не улыбнуться. Всё это было так похоже на фарсовые комедии, которые показывают в театре.

Когда офицер подъехал, его лицо было бледным в сумеречном свете дня, и он явно нервничал.

— Какие последние новости с фронта? — бодро осведомилась она.

— Люди отказываются ехать дальше, — заговорил он так быстро, что понимать его стало ещё труднее. — Наш авангард встретил группу охотников из Аксфайна. Они утверждают, что вы — «знатная дама в карете» — и есть княгиня Йетива, возвращающаяся с тайного визита в Санкт-Петербург, где вы просили помощи у царя.

Беверли Кэлхун ахнула от изумления. Это было слишком невероятно, чтобы поверить. Это было просто смешно. Она от души рассмеялась.

— Какой абсурд.

— Я прекрасно понимаю, что вы не княгиня Йетива, — продолжал он настойчиво, — но что я могу поделать? Люди мне не верят. Они клянутся, что их обманули, и в панике. Охотники говорят им, что аксфайнские власти, прекрасно осведомлённые о поспешном бегстве княгини через эти дикие места, готовятся перехватить её. Крупный отряд солдат уже перешёл границу Граустарка. Это лишь вопрос времени: скоро «красные штаны» на них навалятся. Я заверил их, что их прекрасная подопечная — не княгиня, а американская девушка, и что в карете и эскорте нет никакой тайны. Всё напрасно. Аксфайнские проводники уже чувствуют, что их головы на плахе; что касается казаков — даже мои угрозы страшным гневом Белого Царя, когда он узнает, что они ослушались его приказов, не трогают их.

— Поговорите со своими людьми ещё раз, сэр, и пообещайте им большие кошельки золота, когда мы доберёмся до Ганлука. Денег и ценностей у меня с собой нет, но там я смогу раздобыть сколько угодно, — сказала Беверли, благоразумно решив, что пусть они лучше думают, что у неё нет средств.

Кавалькада остановилась во время этого разговора. Все мужчины были впереди, угрюмо и возбуждённо беседовали, обильно жестикулируя. Возница, бесстрастное создание, казалось, безразличное ко всему происходящему, один оставался на своём посту. Опасным положение было или нет, но досадным — наверняка. Но если бы Беверли могла прочитать мысли этой молчаливой фигуры на козлах, она бы почувствовала некоторое облегчение, потому что ехать дальше ему хотелось куда сильнее, чем ей, хотя и по совсем другим причинам. Он был русским

каторжником, бежавшим по пути в Сибирь. Замаскировавшись под кучера, он пробирался в Граустарк или в любую другую глушь, где можно уцелеть. Ему было почти всё равно, куда решит отправиться эскорт. Он собирался ехать вперёд. Он не смел вернуться — он должен был идти вперёд.

Через полчаса офицер вернулся; всякая надежда исчезла с его лица.

— Бесполезно! — крикнул он. — Проводники отказываются продолжать путь. Видите! Они уходят со своими соотечественниками! Мы пропали без них. Я не знаю, что делать. Мы не можем добраться до Ганлука, я не знаю дороги, и опасность велика. Ах, мадам! Вот они! Казаки поворачивают назад.

Пока он говорил, угрюмые мятежники медленно ехали к карете. У каждого на высокой луке седла был пистолет. На лицах было злобное выражение. Проезжая мимо офицера, один из них, указывая саблей назад, свирепо крикнул:

— Балак!

Это было окончательно и убедительно. Они бросали её.

— О, о, о! Трусы! — рыдала Беверли в ярости и отчаянии. — Я должна ехать дальше! Неужели даже такие люди могут бросить…

Её прервал офицер: приподняв фуражку, он приказал кучеру поворачивать лошадей и следовать за эскортом в Балак.

— Что это? — спросила Беверли с тревогой.

Откуда-то издалека донеслись звуки выстрелов. Дюжина выстрелов прогремела и эхом разнеслась по мрачному ущелью впереди кареты.

— Где-то в горах впереди идёт бой, — ответил теперь уже перепуганный офицер. Быстро обернувшись, он увидел, что дезертиры остановились, послушали минуту, а потом пришпорили лошадей. Он резко крикнул кучеру:

— Эй, ты! Поворачивай! Некогда!

Кучер, до сих пор сидевший неподвижно, с дикой усмешкой выкрикнул какое-то оскорбление вслед офицеру — тот уже скакал за своими людьми, во весь опор удиравшими по дороге, — а потом, усевшись покрепче на козлах и перехватив вожжи, заорал на лошадей и так яростно хлестнул их кнутом, что карета рванулась вперёд с пугающей скоростью.

Единственной его мыслью было убраться как можно дальше от русского офицера, а потом спокойно бросить карету с пассажирами и уйти в горы.

ГЛАВА IV

В которой Беверли встречает банду оборванцев с манерами герцогов, а их предводитель носит чёрную повязку на глазу — и это почему-то не делает его менее подозрительным

Карета летела по узкой дороге как бешеная — того и гляди в пропасть свалишься. Беверли высунулась в окно и закричала что было сил:

— Стой! Стой, тебе говорят! Нас же убьют! Ты с ума сошёл?!

Кучер даже ухом не повёл. Сидит себе на козлах, как истукан, и хлещет лошадей без жалости. Тётя Фанни на полу кареты — ни жива ни мертва — то стонет, то молится, то всё вместе.

— Господи Иисусе, — причитала она, — прими нас, грешных, потому что дальше ехать — смерти подобно…

— Помолчи, тётя Фанни, — крикнула Беверли, хотя сама была ничуть не храбрее. — Я разберусь.

Но разбираться было не с кем. Кучер будто оглох.

А потом — самое странное. Карета остановилась. Не потому что врезалась во что-то — просто по команде. Кучер спрыгнул наземь, огляделся загнанным зверем и — дал стрекача. Прямо в горы. И был таков.

— Вот так штука, — выдохнула Беверли.

Тётя Фанни высунула голову из-под сиденья:

— Мисс Беверли… нас бросили?

— Похоже на то.

— И что теперь?

— Сейчас узнаем.

Беверли кое-как вылезла из кареты — ноги дрожали, в голове шумело, но виду она не подавала. В конце концов, она Кэлхун. Кэлхуны не трусят. По крайней мере, при посторонних.

Темнело быстро. Вокруг — горы, скалы, ни огонька. Лошади тяжело дышали, от них валил пар.

— Ну и влипли, — сказала она вслух. — Хоть волком вой.

И тут из темноты появились они.

Первый — высокий, тощий, в широкополой шляпе, с чёрной повязкой на левом глазу. За ним — второй, третий, четвёртый, пятый, будто из-под земли, а из темноты подходили всё новые. Все как на подбор: одеты кто во что горазд, но вид — не приведи Господь. Разбойники чистой воды. Или нет?

Человек с повязкой шагнул вперёд и поклонился — чуть не до земли.

— Бедные путники, ваше высочество, — сказал он приятным голосом. И добавил с усмешкой: — В горах все равны. Король и вор, княгиня и бродяжка — все в одном загоне.

Беверли опешила. «Ваше высочество»? Это она-то? А потом до неё дошло: они приняли её за княгиню Йетиву. Человек с повязкой охотно объяснил: в горах все знают, что княгиня в воскресенье выехала из Петербурга поездом, а позавчера пересела в карету, потому что паводок снёс мосты к северу от Аксфайна. «У гор тоже есть глаза и уши». И всё это было правдой — только не про княгиню, а про неё саму.

Голова работала быстро. Если скажет правду — кто знает, что эти типы сделают. Может, ограбят. Может, хуже. А если подыграть…

— Я… я беззащитна, — сказала она дрожащим голосом (тут дрожать не пришлось — и так трясло). — Берите что хотите, только не трогайте нас.

Человек с повязкой рассмеялся. Не злобно — скорее добродушно.

— Ваше высочество, успокойтесь. Мы не разбойники. Мы охотники. Почти честные. Час назад мы как раз прогнали отсюда настоящих разбойников — вы, верно, слышали выстрелы.

— Почти? — переспросила Беверли, чувствуя, что страх потихоньку отпускает.

— Ну, бывает, браконьерствуем по мелочи. Кому без греха?

Она невольно улыбнулась. Тётя Фанни тем временем выглянула в окно, увидела эту компанию и заорала благим матом:

— Спасите-помогите! Разбойники! Грабят!

— Тётя Фанни, тихо! — прошипела Беверли. — Это… это друзья.

— Друзья? С такими-то рожами?

— У них душа красивая, — соврала Беверли не моргнув глазом.

Человек с повязкой представился:

— Бальдос, охотник на коз, к вашим услугам. А это мои товарищи. Вы уж извините их за внешний вид — жизнь в горах не располагает к моде.

Он снова поклонился, и Беверли заметила, что говорит он, к её удивлению, на очень хорошем английском — не то что русский офицер из эскорта.

«Откуда разбойнику знать английский?» — с подозрением подумала она.

Но спрашивать вслух не стала — сейчас было не до того.

— Так вы меня не убьёте? — уточнила она на всякий случай.

— Что вы, ваше высочество! — Бальдос прижал руку к сердцу. — Мы люди простые, но честные. Ваш эскорт разбежался? Бывает. Ваш кучер сбежал? Туда ему и дорога. А мы вас в целости доставим. Есть у меня на примете одно местечко — переночуете с комфортом.

— А далеко?

— Не очень. Но ехать надо сейчас — темнеет.

Беверли посмотрела на тёмное небо, на свои дрожащие ноги, на тётю Фанни, которая всё ещё всхлипывала в карете, и приняла решение.

— Хорошо. Везите. Но если вы нас обманете…

Она хотела сказать что-то страшное, но в голову ничего не пришло.

— Не обманем, — серьёзно сказал Бальдос. И добавил с улыбкой: — Кто же обманывает собственную княгиню?

«Ох, — подумала Беверли, — если б ты знал, какая я княгиня…»

Он помог ей забраться в карету, сам сел на козлы, щёлкнул кнутом, и они покатили в темноту. Его люди с фонарями шли рядом — кто впереди, кто сзади.

В карете было тихо. Тётя Фанни наконец-то перестала молиться и только изредка вздыхала.

— Тётя Фанни, — шёпотом сказала Беверли, — слушай меня внимательно. Эти люди думают, что я княгиня.

— Кто? Вы?

— Я. Не перебивай. Они не должны узнать правду. Так безопаснее. Ты поняла?

Тётя Фанни помолчала, осмысливая услышанное.

— Значит, вы теперь не мисс Беверли, а… ваше высочество?

— Именно.

— А как же майор? Как же ваша мама?

— Мама в Вашингтоне и ничего не узнает. А майор… майор меня убьёт, если мы выживем. Но это потом. Сейчас главное — не проговорись.

— У меня язык не повернётся называть вас «ваше высочество», — засомневалась тётя Фанни.

— А ты и не называй. Молчи. Улыбайся. И делай вид, что всё так и надо.

— Легко вам говорить, — вздохнула тётя Фанни. — А я старая, мне врать тяжело.

— А ты не ври. Просто… не говори правду.

— Хитрая, — проворчала тётя Фанни, но спорить не стала.

Карета тем временем свернула на какую-то едва заметную тропу. Ветки хлестали по стёклам, колёса скрипели на камнях. Беверли откинулась на сиденье и закрыла глаза.

«Что ж, — подумала она, — попали мы в переделку. Но, с другой стороны, будь что будет. По крайней мере, скучно не бывает. Воры они или ангелы — придётся принимать, что выпадет. На ангела он, конечно, не похож, зато только что посмотрел на меня так, будто ангел — это я. Ох, оказаться бы сейчас дома, в Вашингтоне!»

И она улыбнулась своим мыслям. За окном сгущалась тьма, а впереди замаячили огни — там, где Бальдос обещал ночлег.

ГЛАВА V

О постоялом дворе без крыши, стен и полотенец, но с романтикой, козлятиной и львом, который не прочитал вывеску

Двое из мужчин шли рядом с дверцей кареты, один с фонарём. Они переговаривались вполголоса на языке, которого Беверли не понимала. Через некоторое время она поймала себя на том, что разглядывает их одежду и манеры. «Вот они, — подумала она, — мои первые настоящие образцы граустаркского крестьянства». И они навсегда отпечатались в её памяти.

Они были смуглые, с сильными лицами, среднего роста, со жгучими чёрными глазами и длинными чёрными волосами. Не нашлось бы и двоих, одетых одинаково, — так что никакого единого стиля и не уловишь. Некоторые — в грубых мешковатых костюмах крестьян, как она их себе представляла; другие — в облегающих, но дырявых военных мундирах; несколько — в одежде, частью европейской, частью восточной. Тут были и шляпы, и фески, и кепки — одни с перьями, другие без. Тот, кто стоял ближе всех к карете, носил грязный серый мундир армейского офицера — весь в дырах и прорехах, а другой вышагивал в мешковатых жёлтых штанах и пыльном лондонском смокинге.

В общем, самая пёстрая банда бродяг, какую ей только доводилось видеть. Их было человек десять-двенадцать. У некоторых имелись сабли, но все таскали с собой длинные винтовки и кривые татарские кинжалы.

— Тётя Фанни, — шепнула Беверли, внезапно наклоняясь к притихшей служанке, — где мой револьвер?

Её осенило: следующая чрезвычайная ситуация не должна застать её врасплох. У тёти Фанни отвисла челюсть, а глаза стали круглыми, как блюдца.

— Господи Иисусе… зачем это, мисс Беверли…

— Тсс! Не называй меня «мисс Беверли». А теперь слушай внимательно, что я тебе скажу. Доставай мой револьвер и смотри, чтобы эти люди не видели, что ты делаешь.

Пока дрожащие пальцы тёти Фанни шарили в поисках оружия, Беверли кратко, но ясно напомнила ей уговор и объяснила, что делать. Старая женщина соображала быстро — страх обострил её ум, и она ухватила инструкции Беверли с удивительной готовностью.

— Хорошо, ваше высочество, — благоговейно сказала она, — я достану бутылочку с мятой, если вы не возражаете, что я буду рыться в этих коробках. Может, вы предпочтёте имбирь?

Под прикрытием этой чудесной уловки она ловко нырнула в одну из сумок и вытащила револьвер. В обычных обстоятельствах она смертельно боялась даже прикасаться к нему — но не сейчас. Беверли сунула оружие в карман своего серого дорожного жакета.

— Мне уже гораздо легче, тётя Фанни, — сказала она.

И тётя Фанни густо хохотнула.

— Да, мэм, точно… ваше высочество, — сладко согласилась она.

Карета катилась ещё с полчаса, а потом остановилась с внезапным рывком. Мгновение спустя высокий кучер появился у окна — без шляпы. Рядом с ним стоял человек с фонарём.

— Qua vandos ar deltanet, yos serent, — сказал предводитель, сверкнув белыми зубами в торжествующей улыбке. Его открытый глаз, казалось, светился от удовольствия и возбуждения.

— Что? — беспомощно пробормотала Беверли.

На его лице появилось озадаченное выражение. Потом улыбка стала глубже, а в глазу засверкал понимающий огонёк.

— Ах, понимаю, — весело сказал он. — Ваше высочество предпочитает не говорить на языке Граустарка. Мне повторить по-английски?

— Я бы очень хотела, — сказала Беверли, переводя дыхание. — Знаете, просто чтобы послушать, как это звучит.

— Каждое ваше желание будет исполнено. Позвольте сообщить вам, что мы прибыли на постоялый двор «Ястреб и Ворон». Здесь мы провели прошлую ночь. Завтра мы тоже покидаем это место, так что нам по пути ещё по меньшей мере несколько часов. У нас мало что предложить вам в смысле еды, и здесь нет ни одного из удобств дворца. Но когда все едят из одного котла, княгине выбирать не больше, чем нищему. Идёмте, ваше высочество, позвольте проводить вас в гостевую комнату постоялого двора «Ястреб и Ворон».

Беверли взяла его за руку и спрыгнула на землю, с недоумением и тревогой оглядываясь по сторонам.

— Я не вижу никакой гостиницы, — тихо пробормотала она.

— Посмотрите наверх, ваше высочество. Эта огромная чёрная пещера — крыша; мы стоим на полу, а тёмные тени за кругом света — это стены «Ястреба и Ворона». Это самая большая таверна во всём Граустарке. Её размеры — как весь мир.

— Вы хотите сказать, что никакой гостиницы вообще нет? — воскликнула девушка в отчаянии.

— Увы, вынужден признаться. И всё же здесь есть укрытие. Идёмте со мной. Пусть ваша служанка следует за нами.

Он взял её за руку и повёл от кареты — впереди шёл оборванный фонарщик. Маленькая правая рука Беверли судорожно сжимала револьвер в кармане. Карман был просторный, и дуло оружия вызывающе упиралось в робкую пуховку на дне. Кожаный кошелёчек, из которого та выпала, разинул серебряные губы, словно в широкой насмешливой ухмылке, радуясь бедственному положению пуховки.

Рука проводника была одновременно твёрдой и нежной, шаг — смелым, но лёгким. Его лихая шляпа с вызывающим красным пером возвышалась на целую голову над парижскими фиалками на шляпке Беверли.

— У вас совсем нет дома — никакого крова, где можно переночевать? — с трудом выговорила Беверли.

— Я живу в воздушном замке, — сказал он, грациозно взмахнув рукой. — Я сплю в доме своих отцов.

— Бедняга, — воскликнула Беверли с жалостью.

Он рассмеялся и рассеянно похлопал по эфесу сабли.

Она слышала, как люди позади них заводят карету в лощину, по которой они осторожно пробирались. Под ногами теперь была мягкая трава, и стук камней больше не раздавался. Они были среди тенистых деревьев — громадные стволы высились в свете фонарей. Бессознательно её мысли перенеслись в Арденнский лес и лесной дом Розалинды — таким, каким она его себе представляла.

Вскоре до неё донёсся шум воды — какой-то бурный поток спешил мимо. Она инстинктивно отшатнулась и с тревогой уставилась на чёрную стену ночи впереди. Йетива не раз говорила об этой глуши. Многие несчастные путешественники навсегда исчезали в её дебрях.

— Это река, ваше высочество. Там нет опасности. Я не заведу вас в неё, — сказал он чуть грубовато. — Мы на самом дне долины; когда река в своём русле, дальше тянутся болота. Наводнения затопили низины, и с холмов несётся поток. А вот и мы, ваше высочество. Это — постоялый двор «Ястреб и Ворон».

Он поклонился и указал шляпой на тлеющий костёр в нескольких шагах впереди. Они обогнули изгиб нависающей скалы и оказались совсем близко от убежища, прежде чем она увидела огонь.

Костёр горел под открытым небом, прямо перед глубокой расщелиной в скале. Судя по звуку, река была не дальше двухсот футов. Подошли люди с фонарями, другие подбросили хворосту. Очень скоро ущелье жутко осветилось пляшущими языками пламени.

Сидя на огромном бревне, Беверли смогла оглядеть часть своих новых владений. Нависающий каменный выступ образовывал широкий, глубокий навес, под которым было отличное укрытие. Пол был из жирной голой земли, а там и сям лежали подстилки из длинной травы — очевидно, ложа этих бездомных людей. Вокруг были огромные деревья, а в сторону реки трава становилась выше и переходила в камыши. Листва над головой была такой густой, что луны и звёзд не было видно. В воздухе стояла мёртвая тишина. Одиночество было таким ужасающим, что бедное маленькое сердечко Беверли трепетало от страха. Тётя Фанни, сидевшая рядом, не проронила ни слова с тех пор, как вышла из кареты, но её глаза выразительно бегали.

Высокий предводитель стоял у костра, беседуя с полудюжиной своих подчинённых. Взгляд мисс Кэлхун в конце концов остановился на этой центральной фигуре странной картины. Он был одет в тёмно-серый мундир, который странно напоминал ей хористов-драгун из комических опер у них на родине. Одежда, хоть и рваная и грязная, сидела хорошо. Плечи были широкие и квадратные, бёдра узкие, ноги длинные и прямые. Во всём его облике чувствовалась дерзкая грация, которая хорошо сочеталась с его жизнью и ремеслом. Безусловно, перед ней был беспечный вольный стрелок, для которого жизнь была легка, а смерть «стояла поодаль» и теряла надежду.

Свет костра ярко освещал его лицо — шляпа была снята. Волосы — чёрные, густые, взлохмаченные и, видимо, нечёсаные. Лицо — худое, гладкое, сильное, с бесшабашной складкой в уголках рта. Беверли поймала себя на том, что сожалеет: такое интересное лицо портит уродливая чёрная повязка, под которой скрывался — она не знала какой — изъян.

Что касается остальных — это была мрачная компания. Некоторые были молоды и безбороды, другие — стары и с сединой, но все — подвижные, зоркие и крепкие. Предводитель, казалось, был единственным в отряде, кто говорил и понимал по-английски. Пока Беверли сидела и смотрела на его энергичное, насмешливое лицо, изучая его грациозные движения, она поймала себя на мысли о том, как это получается, что невежественный, бездомный скиталец в горах может быть таким поэтичным и таким культурным, каким казался этот парень.

Трое или четверо мужчин, явно более низкого разбора, чем их товарищи, принялись готовить ужин. Другие отпрягли усталых лошадей и повели их к реке. Двое лихих молодцов перенесли подушки с сидений под скалистый навес и соорудили роскошную постель для «княгини». Предводитель собственными руками вскоре начал строить небольшую комнату в этом углу пещеры, у входа. Стены комнаты были сложены из каретных пледов и одеял, плащей и дубовых веток.

— Гостевая комната, ваше высочество, — сказал он, приближаясь к ней с улыбкой, когда работа была закончена.

— Было очень интересно наблюдать за вами, — сказала она, вставая.

— А мне было приятно вас развлекать, — ответил он. — Там вы найдёте уединение, и вам не придётся видеть никого из нас, пока вам не будет угодно.

Она посмотрела ему прямо в глаза на мгновение, а потом порывисто протянула руку. Он тепло пожал её, хотя и с некоторым удивлением.

— Я вам доверяю, — сказала она.

— Бродяга польщён, — просто ответил он.

Он проводил её к импровизированной спальне — тётя Фанни следовала за ней с преданной, но неуверенной поступью.

— Сожалею, ваше высочество, что удобств так мало, — сказал он. — У нас нет хозяйки, кроме Матери-Земли, нет официантов, носильщиков, горничных — на постоялом дворе «Яст-

реб и Ворон». Поскольку это мужская гостиница, ванны — на берегу реки. Я распорядился принести вам воды, но с глубочайшим стыдом и печалью признаюсь, что у нас нет полотенец.

Она рассмеялась так искренне, что его лицо заметно просветлело, а лица его людей повернулись в их сторону — словно по команде.

— Значит, это типичный горный курорт, — сказала она. — Думаю, я справлюсь, если вы принесёте мои сумки в мою комнату, сэр.

— Кстати, вы желаете, чтобы ужин подали в номер? — очень добродушно спросил он.

— Если вы не возражаете, я хотела бы поесть в общей столовой, — сказала она.

Несколько минут спустя Беверли сидела на одном из своих небольших чемоданов, а тётя Фанни усердно расчёсывала её тёмные волосы.

— Здорово быть княгиней, — пробормотала мисс Кэлхун. Она умылась водой из кожаного ведра, взятого из кареты, а дорожную пыль с неё смахнула энергичная камеристка.

— Да, мэм, мисс… ваше высочество, для вас это, конечно, прекрасно, но где буду спать я? Там, снаружи, со всеми этими проходимцами? — сказала тётя Фанни с возмущением.

— Ты будешь спать здесь, в комнате, тётя Фанни, — сказала Беверли.

— Это самая странная компания бродяг, какую я только видела, и я бы им не доверилась дальше, чем могу кинуть кирпичный дом.

— Но предводитель такой вежливый джентльмен, — запротестовала Беверли.

— Да, мэм. Он, должно быть, из Джорджии или Кентукки, — таков был искренний комплимент тёти Фанни.

Лжекнягиня ужинала с бродягами в ту ночь. Она сидела на бревне рядом с высоким предводителем и с аппетитом ела похлёбку и жареную козлятину, виноград и орехи, запивая всё родниковой водой, которая заменяла вино, кофе и ликёры. Это был странный ужин в странном окружении, но она наслаждалась им так, как не наслаждалась ни одной трапезой в жизни. Воздух был полон романтики и опасности, её воображение пленялось. Всё было таким новым и нереальным, что она едва могла поверить, что не спит. Мир как будто вернулся во времена Робин Гуда и его весёлых разбойников.

— У вас отлично кормят на постоялом дворе «Ястреб и Ворон», — сказала она ему — голос дрожал от волнения.

Он печально посмотрел на неё мгновение, а потом наивно улыбнулся.

— Это первый приличный приём пищи за два дня, — ответил он.

— Да ну!

— Да. Сегодня нам повезло на охоте. Судьба была к нам благосклонна — и к вам, потому что сегодня мы лучше подготовлены к приёму коронованной особы, чем когда-либо с тех пор, как я пришёл в горы Граустарка.

— Значит, вы не всегда жили в Граустарке?

— Увы, нет, ваше высочество. Я жил в других местах.

— Но вы родились в княжестве?

— Я всем сердцем подданный его княгини с этого дня, но не по рождению и не по положению. Я родом из обширной страны, которую немногие из нас зовут Обстоятельствами, — и он довольно безрассудно улыбнулся.

— Вы поэт, восхитительный поэт, — воскликнула Беверли, забывшись в своём восторге.

— Возможно, именно поэтому я голоден и небрит. Мне не приходило в голову смотреть на это так. Когда будете готовы удалиться, ваше высочество, — сказал он, внезапно вставая, — мы будем рады считать постоялый двор «Ястреб и Ворон» закрытым на ночь. Хорошо поев, мы должны хорошо поспать. Нас ждёт тяжёлый день. С вашего позволения, я положу свою травяную постель у вашей двери. Я здесь привратник. Вам стоит только позвать, если что-нибудь понадобится.

Она устала, но скорее просидела бы всю ночь, чем пропустила хоть что-то из этой странной романтики, в которую её затянуло. Но предложение сэра Красное Перо отдавало приказом, и она неохотно направилась к хлопающему одеялу, которое обозначало вход в спальню. Он отдёрнул занавес, низко взмахнул шляпой и тихо пробормотал: «Спокойной ночи».

— Пусть вашему высочеству приснятся приятные сны, — сказал он.

— Спасибо, — сказала она, и занавес бесцеремонно опустился. — Это было довольно нахально с его стороны, надо сказать, — добавила она, глядя на колышущуюся дверь.

Когда она заснула — она не знала. Она была уверена только в том, что её глаза долго сопротивлялись сну и что она размышляла о том, как будет выглядеть её серое платье после того, как она проспит в нём всю ночь. Она слышала низкое пение, как будто вдалеке, но через некоторое время тишина стала такой напряжённой, что почти душила её. Шум реки становился всё громче и громче, и какой-то свистящий звук затих в её ушах, как раз когда она гадала, что бы это значило. Её последними мыслями перед сном были мысли о «поэте в чёрной повязке». Лежит ли он у двери?

Она проснулась среди ночи от того, что дверь её комнаты яростно хлопала. Вздрогнув, она села и напрягла зрение, пытаясь пронзить загадочную темноту. Тётя Фанни на своей травяной постели судорожно заворочалась, но не проснулась. Тьму странной комнаты то и дело разрывали слабые вспышки света снаружи, и она пережила долгие минуты ужаса, прежде чем до неё дошло, что собирается гроза. Ветер усиливался, и ночь, казалось, дрожала от возбуждения.

Беверли сползла со своей постели и на ощупь добралась до колышущегося входа. Отодвинув одеяло, она выглянула в ночь — её сердце подпрыгивало от страха. Её высочество очень боялась грома и молнии.

Костёр снаружи догорел — остались только тлеющие угли. Ветер раздувал их, то и дело озаряя сцену ровным красным светом. На виду был только один человек. У костра стоял высокий скиталец. Он был без шляпы и без сюртука, руки скрещены на груди. Казалось, он не замечал приближения бури и просто смотрел в кучу пепла у своих ног. Лицо его было повёрнуто к ней — каждая черта была отчётливо видна в слабом свете костра. К её изумлению, чёрной повязки на глазу не было. И, что удивило её почти до восклицания, носить её вовсе не было никакой причины. На глазу или вокруг него не было ни шрама, ни изъяна. Он был таким же ясным и пронзительным, как и другой, — тёмно сверкающим в красном сиянии снизу. Более того, Беверли увидела, что он поразительно красив — сильное, мужественное лицо. Пылкий ум южанки тут же вспомнил первые портреты Наполеона, которые ей приходилось видеть.

Внезапно он вздрогнул, вскинул голову, посмотрел на небо и произнёс какие-то странные слова. Потом стремительно направился к её двери. Она отшатнулась, затаив дыхание. Он остановился снаружи, и она поняла, что он прислушивается к звукам изнутри. Прошло много долгих минут, прежде чем она снова осторожно выглянула наружу. Он стоял у костра, повернувшись к ней спиной, и смотрел в ночь.

Ветер становился сильнее; порывы наполняли ночь холодной дрожью. Постоянные вспышки молний озаряли лес, превращая верхушки деревьев в огромные чёрные волны. Высокие камыши на берегу реки начали гнуть свои верхушки, нежно покачиваясь на ветру. В низине под пещерой «блуждающие огоньки» играли друг с другом, весело скача в темноте, напоминая ей о гуляках знаменитой сцены на Брокене. Низкие стоны возникали из хаоса, и голоса, казалось, говорили неразборчивым шёпотом встревоженным веточкам и листьям. Ветер поверял ночи свои тайны — предания многих краёв.

От нежных колыханий камыши на болоте перешли к более низким поклонам, затанцевали более дикие менуэты, хлестали друг друга с упоённым весельем, насмехаясь над свистом ветра сердитым шуршанием своих высоких тел. По карнизам постоялого двора «Ястреб и Ворон» носились поющие ветерки, не желая покидать игровую площадку, столь приятную для фантазии.

Вскоре ночь превратилась в котёл — бурлящий, шипящий, ревущий сосуд, в котором смешивались ингредиенты катастрофы. Ночные птицы хлопали крыльями среди стонущих верхушек деревьев в поисках убежища; камыши пригибались к земле, кланяясь суверенной власти ветра; облака гремели, словно миллион колесниц, — и тут небо и земля сошлись в одной из тех диких битв, перед которыми все остальные войны кажутся детскими играми.

Когда Беверли отшатнулась от удара грома, она увидела, что он вскинул руки в воздух, словно приглашая стихии собрать всю свою мощь и обрушить её на его голову. Она невольно вскрикнула, и он услышал этот крик сквозь шум.

— Помогите! Помогите! — крикнула она.

Он бросился к хлопающим одеялам, но его порыв столкнулся с порывом ветра. Как по волшебству, стены гостевой комнаты сдуло — они разлетелись в ночь или назад, в глубину пещеры. Вместе с ливнем появился и он.

Среди душащих её одеял он выхватил её и понёс прочь — она сама не знала, куда.

ГЛАВА VI

Правило номер один: если тебя спасают от льва — не стреляй в спасителя.

— Пусть все бури будут такими же приятными, как эта! — услышала она чей-то голос и весёлый смех.

В следующее мгновение её твёрдо поставили на ноги. Ослепительная вспышка молнии высветила Бальдоса, охотника на коз, рядом с ней, а по всем углам «Ястреба и Ворона» поднимались на ноги с дюжину смутных фигур. Кто-то вцепился ей в платье у колен. Ей не нужно было смотреть вниз, чтобы знать, что это тётя Фанни.

— Господи! — выдохнула княгиня — и снова стало темно хоть глаз выколи.

Человек рядом с ней выкрикнул команду на своём языке, а потом повернул к ней лицо почти вплотную.

— Не пугайтесь. Теперь мы в полной безопасности. Княжеская опочивальня, к сожалению, погибла, — говорил он ей. — Какой же я дурак, что не предвидел этого! Гроза собиралась с полуночи.

— Это ужасно! — воскликнула Беверли, переходя от стона к визгу.

— К этому привыкаешь, — сказал он. — Я чувствую себя в грозу как дома. Есть вещи и понадоедливее, уверяю ваше высочество. Сейчас у нас будет свет.

Как по команде, замерцали два-три фонаря.

— Молчи, тётя Фанни, ты вовсе не убита, — довольно твёрдо приказала Беверли.

— Дом непременно рухнет, мисс… ваше высочество, — простонала верная служанка.

Беверли храбро, но нервно рассмеялась вместе с высоким охотником на коз. Он тут же принялся устраивать свою гостью поудобнее и надёжнее, чтобы уберечь её от буйства стихии, которая сейчас была в самом разгаре. Её ложе из подушек оттащили далеко в глубь пещеры, а спасённые одеяла — хоть и промокшие — снова стали ширмой.

— Вы что же, думаете, я пойду туда, пока бушует эта гроза? — спросила Беверли, пока работа кипела.

— А вы не боитесь молнии? Большинство молодых леди боятся.

— В том-то и беда. Боюсь. Я бы куда охотнее осталась здесь, где есть компания. Вы не против?

— Рай не может отвергнуть тот, кто впервые ощутил его тепло, — галантно сказал он. — Ваш страх — моё наслаждение. Извольте сесть на наш трон. Когда-то он был скромным кожаным ведром из кареты, но теперь он возвышен. К тому же он гораздо удобнее, чем иные позолоченные стулья, о которых нам рассказывают.

— Боюсь, вы склонны к иронии, — сказала она, заметив странную улыбку на его губах.

— Прошу прощения, ваше высочество, — смиренно сказал он. — Сердце охотника на коз нежнее, чем его остроумие. Я больше не забуду, что вы княгиня, а я — сущий нищий.

— Я не хотела вас обидеть! — воскликнула она с раскаянием: уж очень далеко ей было до настоящей княгини.

— Раны нет, ваше высочество, — быстро сказал он.

С насмешливой грацией, которая едва не рассердила её, он опустился на колено и жестом пригласил её сесть. Она поспешно села, зажав уши ладонями и крепко зажмурившись. Удар грома, грянувший в это мгновение, был самым ужасным из всех, и прошла целая минута, прежде чем она осмелилась снова поднять веки. Он стоял перед ней, и в его лице было искреннее сочувствие.

— Это ужасно, — сказал он. — Никогда раньше я не видел такой бури. Мужайтесь, ваше высочество, она не может продолжаться долго.

— Господи! — сказала настоящая американская девушка за неимением более выразительного слова.

— Кажется, ваша служанка заползла в вашу постель. Позволите мне сесть у ваших ног? Возможно, вы почувствуете некоторую безопасность, если я…

— Да, пожалуйста, садитесь, — воскликнула она.

Он тут же опустился на пол пещеры — грациозный, почтительный страж. Проходили минуты, никто не произносил ни слова. Из-за бури разговаривать было невозможно — всё равно ничего не услышишь. По всей пещере лежали его распростёртые подчинённые — должно быть, спали опять, несмотря на весь этот грохот.

При первом затишье в войне стихий Беверли позволила вырваться мысли, которая давно рвалась на свободу.

— Зачем вы носите эту ужасную чёрную повязку? — спросила она немного робко.

Он пробормотал резкое восклицание и прижал руку к глазу. Впервые за время их странного знакомства Беверли заметила в этом беспечном рыцаре диких мест откровенную растерянность.

— Она… она сдвинулась… — забормотал он с виноватой ухмылкой. Его весёлая наглость исчезла, а вместе с ней и самообладание.

Беверли со вкусом рассмеялась — так забавно было смотреть на конфуз пристыженного бродяги.

— Меня не проведёшь, — воскликнула она, без всяких церемоний погрозив ему пальцем. — Это была маскировка. С вашим глазом решительно ничего не случилось.

Он на мгновение лишился дара речи, потом взял себя в руки. Мудрость рождается в молчании, и он это знал. Бродяга он или джентльмен, но он был искусным актёром.

— Глаз слабый, ваше высочество, и я прикрываю его днём, чтобы защитить от солнечного света, — спокойно сказал он.

— Всё это прекрасно, но он выглядит не хуже другого. И более того, сэр, вы прикрываете не тот глаз, который был прикрыт, когда я вас впервые увидела. Это был левый глаз на закате. А после темноты болезнь переходит на другой?

Он искренне рассмеялся и поспешно передвинул чёрную повязку через нос на левый глаз.

— Я просто перепутал стороны в темноте, вот и всё, — безмятежно сказал он. — Её место над левым глазом, и я глубоко благодарен вам за то, что вы заметили ошибку.

— Я не вижу особой причины, зачем вам носить её после наступления темноты, вы не находите? Солнечного света-то нет.

— Тем не менее, я ослеплён, — парировал он.

— Чепуха! — сказала она. — Это пещера, а не гостиная.

— Другими словами, я деревенщина, а не придворный, — улыбнулся он. — Что ж, деревенщина может смотреть на княгиню. У нас, к сожалению, нет придворного этикета в горах.

— Это было очень нелюбезно, хотя вы и сказали это с большим изяществом, — запротестовала она. — Вы назвали это ведро троном. Давайте также вообразим, что вы придворный.

— Вы наказываете меня очень мягко, ваше высочество. Я не забуду свои манеры снова, поверьте мне.

Он казался совершенно укрощённым.

— Тогда я буду ожидать, что вы снимете эту ужасную чёрную штуку. Вид у неё прямотаки злодейский. Без неё вы выглядите гораздо лучше.

— Это указ или комплимент? — спросил он с такой глубокой серьёзностью, что она покраснела.

— Ни то и ни другое, — ответила она. — Вы не обязаны её снимать, если не хотите…

— В любом случае, я её снимаю. Вы правы. Она служит маскировкой. У меня много врагов, и чёрная повязка — очень хороший друг.

— Как это восхитительно, — воскликнула Беверли. — Расскажите мне всё это. Я обожаю истории о вражде и всё такое.

— Ваш муж — американец. Уж он-то, наверное, умеет развлекать вас историями с кровью и громом, — сказал он.

— Мой му… Что вы… О, да! — ахнула Беверли. — Конечно. Я, наверное, не расслышала. Это был довольно сильный удар грома, не правда ли?

— Это тоже указ? — спросил он.

— Что вы имеете в виду?

— Удара грома не было, знаете ли.

— О, не было? — беспомощно протянула она.

— Буря уже прошла. В воздухе ещё моросит дождь, и ветер, может быть, утихает с трудом, но кроме этого, я думаю, шум уже значительно стих.

— Пожалуй, вы правы. Как всё это было внезапно.

— До рассвета ещё несколько часов, ваше высочество, и вам надо попытаться немного поспать. Ваши подушки сухие, и…

— Хорошо, раз вы так хотите от меня избавиться… — начала Беверли, а потом остановилась, потому что это звучало не особенно по-княжески. — Я хотела сказать: вы очень внимательны. Вы разбудите меня, если я просплю?

— Мы выедем рано, с вашего позволения. Сорок миль до Ганлука, и к закату надо одолеть полпути.

— Нам придётся провести ещё одну такую ночь? — жалобно воскликнула Беверли.

— Увы, боюсь, вам придётся вытерпеть нас ещё одну ночь. Однако вряд ли мы найдём пристанище такого же удобного, как здесь, в «Ястребе и Вороне».

— Я не хотела показаться неблагодарной и… э… фырчать на вас, — сказала она, гадая, знает ли он это словечко.

— Нет? — вежливо сказал он, и она поняла, что он не знает, — после чего ей стало решительно совестно.

— Вы знаете, вы так прекрасно говорите по-английски, — сказала она невпопад.

Он низко поклонился. Выпрямляясь, к своему изумлению, он увидел на её лице мучительное выражение ужаса: её взгляд был прикован ко входу в пещеру. А потом раздался звук, более злобный, чем все, что были в эту бурную ночь до этого.

— Смотрите туда! Быстро!

Крик ужаса с побелевших губ девушки, когда она указала на что-то позади него, заставил горца мгновенно действовать. Инстинктивно он выхватил свой длинный кинжал из ножен и быстро обернулся. Не далее чем в двадцати футах от них огромный зверь, похожий на кошку, застыл в полуприседе на краю темноты, его длинный хвост злобно ходил из стороны в сторону. Слабый свет из глубины пещеры освещал длинного, промокшего гостя, создавая резкий контраст с чёрной стеной позади. Казалось, он был так же удивлён, как и те двое, которые смотрели на него, словно остолбенев.

Рычащее ворчание, свирепый рёв выдавали его ярость от того, что его убежище — его логово — занято.

— Боже мой! Горный лев! Равон! Франц! Ко мне! — хрипло крикнул он и прыгнул перед ней, громко крича спящим.

С десяток человек, ещё полусонные, схватили оружие и с трудом поднялись на ноги, отзываясь на его зов. Худое тело льва метнулось в воздухе. В два прыжка он был уже у охотника на коз. Бальдос стоял прямо и твёрдо, готовый встретить яростный бросок разъярённого зверя, его длинный кинжал был занесён для смертельного удара.

— Бегите! — крикнул он ей.

В жилах Беверли Кэлхун текла кровь бойцов. Совершенно не осознавая своего поступка, она быстро вытащила маленький револьвер с серебряной рукояткой из кармана жакета. Когда человек, зверь и нож столкнулись, она в своём возбуждении безрассудно выстрелила в сражающихся, даже не думая о смертельной опасности, которой подвергала своего защитника. Раздался дикий крик боли раненого зверя, ещё несколько пистолетных выстрелов, яростные крики возбуждённых охотников, топот ног — и тут испуганная, почти обезумевшая девушка пошатнулась и привалилась к скале. Её широко раскрытые серые глаза были прикованы к корчащемуся льву, а дымящийся пистолет был крепко зажат в её руке.

Всё это произошло в такое невероятно короткое время, что она всё ещё не могла понять, что случилось.

Сердце и мозг, казалось, парализованы, конечности одеревенели и не двигались. Как в головокружительном калейдоскопе, картина перед ней обрела форму.

Зверь испускал последний вздох на каменистом полу, рукоять кинжала охотника торчала из его бока. Бальдос, поддерживаемый двумя своими людьми, стоял над поверженной жертвой, его ноги были залиты кровью. Пещера наполнилась дымом и запахом пороха. Сквозь дымку к ней начало приходить понимание. Ранен был только Бальдос. Он встал между ней и львом и спас её — чего это ему стоило, она ещё не знала.

— О, кровь! — хрипло крикнула она. — Это… это… вы тяжело ранены? — Она была уже рядом с ним, пистолет выпал из её дрожащих пальцев.

— Не подходите ко мне, я в порядке, — быстро крикнул он. — Осторожнее — ваше платье…

— О, как я рада слышать ваш голос! Наплевать на платье! Вы разорваны в клочья! Вы, наверное, ужасно изранены. О, разве это не ужасно — не чудовищно? Тётя Фанни! Иди сюда сию же минуту!

Забыв о звере и отбросив паралич страха, она оттолкнула одного из мужчин и схватила раненого за руку. Он заметно поморщился, и она почувствовала на своих руках что-то тёплое и липкое. Она знала, что это кровь, но не в её натуре было отступать в такой момент.

— Ваша рука тоже! — ахнула она.

Он улыбнулся, хотя его лицо побелело от боли.

— Как вы были храбры! Вы могли бы быть… Я никогда этого не забуду — никогда! Не стой там, тётя Фанни! Быстро! Принеси ему те подушки. Он ранен.

— Господи Иисусе! — только и смогла сказать старая женщина, но она повиновалась своей госпоже.

— Это было легче, чем выглядело, ваше высочество, — тихо пробормотал Бальдос. — Мне повезло. Кинжал попал прямо в сердце. Я только оцарапан. Его прыжок был коротким, но он зацепил меня когтями выше колен. Увы, ваше высочество, эти мои штаны и раньше были плохи, а теперь они превратились в лохмотья. Сколько мне придётся их штопать! А вы можете себе представить, у нас мало ниток, иголок и напёрстков…

— Не шутите, ради бога! Не говорите так. Вот! Ложитесь на эти подушки и…

— Никогда! Осквернить ложе правительницы Граустарка? Я, бедный охотник на коз? Я использую льва в качестве подушки, а скалу — в качестве операционного стола. Через десять минут мои люди перевяжут эти царапины… в конце концов, среди них есть студент-медик, бедняга. Думаю, я его первый пациент. Равон, займись мной.

Он бросился на землю и спокойно положил голову на тело животного.

— Я настаиваю, чтобы вы взяли эти подушки, — воскликнула Беверли.

— А я окончательно отказываюсь.

Она смотрела на него с явным гневом.

— Доверьтесь Равону, он перевяжет эти пустяковые раны, ваше высочество. Он, может быть, и не такой нежный, но он такой же твёрдый, как любая княгиня в мире.

— Но ваша рука? — воскликнула она. — Разве вы не сказали, что это ваши ноги? Ваша рука тоже залита кровью. О, Боже мой, боюсь, вы ужасно ранены.

— Мне кажется, туда попала шальная пуля от одного из моих людей. Знаете, у нас было мало времени для прицеливания…

— Подождите! Дайте мне подумать минуту! Боже мой! — воскликнула она, вздрогнув. Её глаза внезапно наполнились слезами, и в голосе появилась дрожь. — Это я в вас попала! Не отрицайте — не надо! Это правая рука, и ваши люди не могли попасть в неё с того места, где они стояли. О, о, о!

Бальдос улыбнулся, обнажая руку.

— Ваш прицел был хорош, — признал он. — Если бы мой кинжал не был уже в сердце льва, ваша пуля пошла бы туда. Беда в том, что моя рука оказалась на пути. Кроме того, ваше высочество, она только прорезала кожу — и, может быть, немного ниже. Всё заживёт через день-другой. Уверен, вы найдёте свою пулю в туше нашего покойного друга, вероятного хозяина этого места.

Равон — голодного вида юноша — занялся раненым предводителем, а её высочество удалилась в самый дальний угол пещеры. Там она сидела и дрожала, пока перевязывали раны. Тётя Фанни суетилась туда-сюда: сначала бесцеремонно протискивалась сквозь толпу мужчин, чтобы понаблюдать, а потом докладывала нетерпеливой девушке. Буря прошла, ночь была тиха, только река шумела; дождевые капли время от времени падали с деревьев, сверкая, как бриллианты, когда касались света из входа в пещеру. Всё это было очень уныло, жутко и гнетуще для бедной Беверли. Время от времени она ловила себя на всхлипывании — больше от стыда и унижения, чем от печали, потому что разве она не подстрелила человека, который встал между ней и смертью? Что он должен о ней думать?

— Он говорит, вам бы лучше лечь спать, мисс Беверли… ваше высочество, — сказала тётя Фанни после одной из своих вылазок.

— О, вот как, да? — фыркнула Беверли. — Я лягу, когда мне будет угодно. Передай ему это. Нет, нет, не надо, тётя Фанни! Скажи ему, что я лягу, когда буду уверена, что ему удобно, а не раньше.

— Но он же просто козий пастух или…

— Он мужчина, каких поискать. Чтобы я больше не слышала, как ты зовёшь его козьим пастухом. Как его ноги?

Тётя Фанни была почти ошеломлена этим удивительным вопросом от своей всегда благопристойной госпожи.

— Что ж ты не отвечаешь? Их придётся отрезать? Ты их видела?

— Ради бога, мисси, конечно, видела, но вы меня как-то удивили. Они довольно плохо ободраны, мисси; шкура содрана изрядно. Но это не опасно, нет, мэм. Просто ободраны, вот и всё.

— А его рука — куда я попала?

— Сущие пустяки, мэм… ваше высочество. Паутина остановила бы кровотечение, и я им сказала, но этот парень не понял меня. Мистер как-его-там сказал что-то доктору, и они пошли за паутиной, честное слово. Кровь больше не идёт, мисси. Он чувствует себя почти хорошо. Конечно, он не сможет ходить несколько дней с этими своими ногами, но…

— Тогда, ради всего святого, как мы доберёмся до Эдельвейса?

— Ехать-то он может, разве нет? Что ему мешает?

— Совершенно верно. Он поедет внутри кареты. Пойди и посмотри, могу ли я что-нибудь для него сделать.

Тётя Фанни вернулась через несколько минут.

— Он говорит, вы сделаете ему большое одолжение, если просто ляжете спать. Он шлёт вам своё почтение и надеется, что ваш сон больше не потревожат.

— Он совершенный грубиян! — воскликнула Беверли — но всё же подошла и заползла под одеяла, устроившись среди подушек, которые раненый отверг.

ГЛАВА VII

О том, как притворяться княгиней, если ты на самом деле американская туристка, и почему незнакомец с повязкой знает о твоей жизни больше, чем ты сама

Когда Беверли Кэлхун в следующий раз открыла глаза, мир был залит мягким, тёплым, золотистым светом. Солнце со своего трона на горных вершинах улыбалось долине, которую ночь разграбила, пока оно было на другой стороне земли. Листья деревьев стали более нежно-зелёными, белизна скал и желтизна дороги — более мягкими оттенками; коричневые и зелёные камыши снова гордо выпрямились.

Суета горцев разбудила тётю Фанни, а та в свою очередь разбудила свою госпожу — от удивительно спокойного сна, в который её отправило цветущее здоровье всего несколько часов назад. У входа в импровизированную спальню стояли вёдра с водой из родника.

— Какие внимательные горничные, — заметила Беверли, пока тётя Фанни приводила её волосы в порядок. — И энергичный повар, — добавила она, когда запах жареного мяса коснулся её ноздрей.

— Я что-то не вижу этого зверя, мисс Беверли… и… у меня… у меня есть подозрения, — сказала тётя Фанни с гробовым отчаянием в голосе.

— Они бросили эту ужасную тварь в реку, — заключила Беверли.

— Они её жарят! — торжественно сказала тётя Фанни.

— Боже мой, нет! — воскликнула Беверли. — Иди и посмотри сию же минуту. Я не стала бы есть эту кошачью штуку ни за что на свете.

Тётя Фанни вернулась через несколько минут с заверением, что они жарят козлятину. Шкура полуночного гостя была растянута на земле неподалёку.

— А как он? — спросила Беверли, втыкая шляпную булавку в беззащитный пучок фиалок.

— Его очень прилично ободрали, ваше высочество.

— Я не о животном, глупая.

— Вы о мистере Козьем Человеке? Он сидит и болтает, как будто ничего не случилось. Он сказал мне, что мы отправимся в путь, как только вы позавтракаете. Лошади уже запряжены, и…

— А все остальные уже поели? Я одна ещё не ела? — воскликнула Беверли.

— Кроме меня, ваше высочество. Я голодна как собака, и…

— А его держат вдали от больницы только потому, что я ленивая, никчёмная маленькая… Идём, тётя Фанни, у нас ни минуты лишней. Если он выглядит очень плохо, мы обойдёмся без завтрака.

Но Бальдос был самым жизнерадостным человеком в отряде. Он сидел, прислонившись спиной к дереву, его правая рука висела на перевязи из сплетённого тростника, чёрная повязка была на нужном глазу.

— Простите, что не встаю, — весело сказал он. — Но, ваше высочество, сегодня утром я слишком неловок, чтобы вести себя как подобает придворному в присутствии своей государыни. Вы хорошо выспались?

— Слишком хорошо, боюсь. Настолько хорошо, что вы из-за этого пострадали. Мы не можем отправиться немедленно?

Она мысленно спорила сама с собой, будет ли хорошим тоном пожать руку возлежащему герою. При ярком дневном свете он и его спутники выглядели ещё более оборванными и измождёнными, чем раньше, но также и более живописно-романтичными.

— Как только вы откушаете нашей скромной пищи, ваше высочество — последней трапезы в «Ястребе и Вороне».

— Но я совсем не голодна.

— Это очень любезно с вашей стороны, но столь же неразумно. Вы должны поесть, прежде чем мы отправимся.

— Мне невыносима мысль, что вы страдаете, когда нам надо спешить в больницу к опытным хирургам.

Он весело рассмеялся.

— О, можете не смеяться. Я знаю, что вам больно. Вы сказали, что мы не сможем добраться до Ганлука раньше завтрашнего дня? Что ж, мы не можем оставаться здесь ни минутой дольше, чем… О, спасибо!

Оборванный служитель поставил перед ней грубую миску с мясом и немного фруктов.

— Садитесь здесь, ваше высочество, и приготовьтесь к долгому посту. Возможно, до темноты нам больше не придётся поесть. Дичи мало, и мы не рискуем забираться далеко в горы.

Беверли села у его ног и изящно принялась обгладывать косточку, держа её красивыми пальчиками.

— Сожалею, что у нас нет ножей и вилок, — извинился он.

— Не беспокойтесь, — сказала она. — Я хочу, чтобы вы сняли эту чёрную повязку.

— Увы, я должен снова надеть эту ненавистную маскировку. Случайный враг может узнать меня.

— Ваша… ваша одежда заштопана, — заметила она, украдкой взглянув на его длинные ноги. Штаны были грубо зашиты, и никаких бинтов не было видно.

— Ваши ноги… ужасно поранены?

— Они сильно исцарапаны, но не серьёзно. Бинты наложены искусно, — добавил он, заметив её сомневающийся взгляд. — Равон — гений.

— Что ж, я потороплюсь, — сказала она, сильно покраснев.

Пусть он был всего лишь охотником на коз, а она — княгиней, но его глаза сияли радостью от её красоты, а сердце билось с самым непокорным восхищением.

— Вы были очень, очень храбры прошлой ночью, — сказала она наконец — и её спаситель довольно улыбнулся.

Она недолго возилась с грубой, но здоровой пищей, а затем объявила, что готова ехать дальше. С властностью настоящей княгини она приказала ему ехать внутри кареты, отдала кучеру и эскорту распоряжения, которых те не поняли и не стала слушать никаких его возражений.

Когда неуклюжий экипаж снова выехал на большую дорогу и запрыгал по каменистым гребням, охотник на коз оказался рядом со своей княгиней на заднем сиденье — его ступни покоились на противоположном сиденье рядом с тётей Фанни, а искусно устроенный мост из коробок и сумок поддерживал его длинные ноги.

— Мы хотим в больницу, — сказала перед этим Беверли кучеру, примерно так же, как сказала бы, если бы была в Вашингтоне. Она храбро стояла рядом с передним колесом, её лицо было румяным и оживлённым. Бальдос со своего безмятежного места на подушках смотрел на неё загоревшимися глазами. Усатый кучер усмехнулся и безнадёжно покачал головой.

— Ах, чёрт! Вы не понимаете, да? Больница — б-о-л-ь-н-и-ц-а, — произнесла она по буквам, но он снова покачал головой. Другие в пёстром отряде широко улыбались.

— Скажите ему на вашем собственном языке, ваше высочество, и он наверняка поймёт, — рискнул пациент.

— Я говорю на своём… я имею в виду, я предпочитаю говорить по-английски. Пожалуйста, скажите ему, чтобы он ехал в больницу, — смущённо сказала она.

Бальдос весело отдал несколько распоряжений, и тут самый оборванный придворный из всех подал Беверли руку, помогая сесть в карету, с изяществом, которое поразило её.

— Вы самые замечательные охотники на коз, которых я когда-либо видела, — заметила она в искреннем изумлении.

— А вы говорите на самом совершенном английском, какой я когда-либо слышал, — ответил он.

— О, вы правда так думаете? Мисс Граймс обычно говорила, что я безнадёжна. Знаете, у меня был… был репетитор, — поспешно объяснила она. — Вам не кажется странным, что мы не встретили ни одного аксфайнского солдата? — продолжила она, внезапно меняя тему.

— Мы ещё не вышли из леса, — сказал он.

— Это чисто американская поговорка! — воскликнула она, пристально глядя на него. — Где вы выучили свой английский?

— У меня был репетитор, — легко ответил он.

— Вы очень странный человек, — вздохнула она. — Я не верю, что вы охотник на коз.

— Если бы я не был охотником на коз, я бы давно умер с голоду, — сказал он. — Почему вы сомневаетесь?

— Просто потому, что вы обращаетесь со мной так, будто я княгиня, а в следующее мгновение — будто я ребёнок. Смиренные охотники на коз не забывают своего положения в жизни.

— Мне ещё многому предстоит научиться по части почтения, подобающего коронованным особам, — сказал он.

— Это прямо как в «Микадо» или «Пинафоре», — воскликнула она. — Я начинаю верить, что вы и в самом деле опереточный разбойник или пиратский атаман.

— Я всего лишь жалкий изгой, — улыбнулся он.

— Что ж, я решила взять вас с собой в Эдельвейс и…

— Простите, ваше высочество, — твёрдо сказал он. — Этого не может быть. Я не поеду в Эдельвейс.

— Но я приказываю вам…

— Это очень любезно с вашей стороны, но я не могу войти в больницу — даже в Ганлуке. Могу сразу признаться: я — человек, на которого ведётся охота, и приказ таков — взять меня живым или мёртвым.

— Невозможно! — ахнула она, невольно отодвигаясь от него.

— Я никому не сделал зла, но меня травят, как зверя, — сказал он, и его лицо на мгновение стало осунувшимся. — Горы Граустарка, плато Аксфайна и долины Давсбергена кишат людьми, которые намерены положить конец моему несчастному, но неудобному существованию. Для меня самоубийственно входить в любой из ваших городов. Даже вы не сможете защитить меня, боюсь.

— Это звучит как сон. О, Боже мой, вы не похожи на закоренелого преступника, — воскликнула она.

— Я смиренный предводитель верной банды, которая умрёт вместе со мной, когда придёт время. Мы не преступники, ваше высочество. В благодарность за ту службу, которую я, возможно, вам сослужил, я умоляю вас больше ни о чём меня не спрашивать. Позвольте мне быть вашим рабом до стен Ганлука, а потом вы можете забыть Бальдоса, охотника на коз.

— Я никогда не смогу вас забыть, — воскликнула она, осторожно касаясь его раненой руки. — Неужели вы забудете ту, которая нанесла вам эту рану?

— Это очень нежная рана, и я люблю её так, что молюсь, чтобы она никогда не зажила.

Она внезапно отвела взгляд.

— Скажите мне одну вещь, — сказала она, и пелена застлала ей глаза. — Вы говорите, на вас охотятся насмерть. Тогда… тогда ваша вина, должно быть, велика. Вы… вы убили человека? — поспешно добавила она.

Он долго молчал.

— Боюсь, я убил больше одного человека, — тихо сказал он.

Она снова отодвинулась в угол кареты.

— История говорит, что ваш отец был храбрым солдатом и сражался во многих битвах, — продолжал он.

— Да, — сказала она, думая о майоре Джордже Кэлхуне.

— Значит, он убивал людей, возможно, как я убивал их, — сказал он.

— О, мой отец никогда никого не убивал! — воскликнула Беверли в священном ужасе.

— Но Граустарк чтит его могучее воинское искусство на поле боя, — скупо сказал он.

— О, — пробормотала она, вспоминая, что сейчас она — дочь отца Йетивы. — Я понимаю. Значит, вы не… не просто убийца?

— Нет. Я был солдатом — вот и всё.

— Слава Богу! — пробормотала она и больше не боялась его. — Помогло бы… помогло бы вам помилование? — спросила она, гадая, насколько сильным может быть её влияние на княгиню Йетиву.

— Это выше ваших сил — помочь мне, — серьёзно сказал он.

Она замолчала, но это было молчание глубокого раздумья.

— Ваше высочество покинули замок десять дней назад, — сказал он, переключая разговор на другую тему. — Вы поддерживали тесную связь с Эдельвейсом за это время?

— Я ничего не знаю о том, что там происходит, — сказала она совершенно правдиво. Она знала только, что отправила сообщение княгине Йетиве, уведомив её о своём прибытии в Санкт-Петербург и о намерении вскоре отправиться в столицу Граустарка.

— Тогда вам не известно, что мистер Лорри всё ещё на давсбергенской границе на переговорах с представителями Серроса. Он может не вернуться ещё неделю — такие вести привёз полковник Куиннокс.

— Для меня это новость, — тихо сказала Беверли.

— Вы, кажется, не встревожены, — рискнул он. — Впрочем, полагаю, миссия не очень опасна, хотя князь Габриэль готов начать бой в любую минуту.

— Я полностью уверена в мистере Лорри, — сказала Беверли с подобающей гордостью.

— Барон Данглосс, ваш министр полиции, сейчас в этих горах — он наблюдает за действиями аксфайнских лазутчиков и шпионов.

— Вот как? Вы очень хорошо осведомлены, как я погляжу.

— Более того, аксфайнцы планируют напасть на Ганлук по первому сигналу своей правительницы. Я не хочу вас пугать, ваше высочество, но нам вполне стоит ожидать неприятностей ещё до того, как мы подойдём к воротам Ганлука. Всем известно, что вы едете этим ущельем, и я уверен, что будут предприняты попытки захватить вашу особу.

— Они не посмеют! — воскликнула она. — Дядя Сэм уничтожит их за неделю.

— Дядя Сэм? Он родственник вашей тёти Фанни? Боюсь, он мало что сможет сделать против бойцов Волги, — сказал он с улыбкой.

— Они быстро узнают, кто такой дядя Сэм, если посмеют тронуть меня, — величественно пригрозила она.

Он выглядел озадаченным, но был слишком вежлив, чтобы допытываться у неё объяснений.

— Но он далеко и не сможет много сделать, если на нас внезапно нападут из засады, правда? Что они сделают со мной, если меня схватят, как вы предполагаете? — Она была более обеспокоена, чем хотела показать.

— Имей они вас в руках, Граустарк был бы совершенно беспомощен. Волга смогла бы требовать всё, что ей заблагорассудится, и вашему правительству пришлось бы подчиниться.

— Я думаю, это была бы отличная шутка над княгиней Волгой, — задумчиво произнесла Беверли.

Он не понял, что она имеет в виду, но счёл её мягкую улыбку ясным выражением безмятежности княгини.

Она откинулась назад и предалась размышлениям о сложностях, которые могли возникнуть из-за её непреднамеренного обмана. Больше всего её беспокоила мысль, что Йетивы может не быть в Эдельвейсе. Судя по всем сообщениям, она недавно была в Санкт-Петербурге, и одного того факта, что она, как предполагалось, путешествовала в карете, было достаточно, чтобы доказать, что её нет в столице. Кроме того, существовала, конечно, возможность неприятностей на дороге с аксфайнскими разведчиками, но Беверли наслаждалась оптимизмом молодости и цивилизации.

Бальдос, охотник на коз, размышлял о красивой молодой женщине рядом с собой и о той странной причуде судьбы, которая свела их вместе. Изучая её лицо, он не мог не сожалеть, что замужество, по крайней мере, воздвигает барьер между ней и теми ухаживаниями, на которые его смелое сердце в противном случае могло бы решиться. Его чёрные волосы спутанными прядями спадали на лоб, а тёмные глаза — повязка была украдкой приподнята — были необычно задумчивы.

— Странно, что вы живёте в Граустарке и не видели его княгиню… раньше, — заговорила она, закладывая основу для расспросов о действиях и местонахождении настоящей княгини.

— С позволения вашего высочества, я недолго живу в Граустарке. Кроме того, говорят, что половина жителей Ганлука никогда не видели вашего лица.

— Я не удивлена. Эта доля гораздо меньше, чем я себе представляла. Я тоже не была в Ганлуке, как ни странно это вам покажется.

— Позавчера один из моих людей случайно встретил нескольких ваших гвардейцев из гарнизона Ганлука. Он узнал, что вы должны прибыть в этот город в течение сорока восьми часов. Большой отряд был послан встретить вас в Лабботе.

— О, вот как, — сказала Беверли, весьма заинтересованная.

— Они, должно быть, были неверно осведомлены о вашем маршруте… или же ваш русский эскорт решил провезти вас по нижней, более опасной дороге. По счастливой случайности вы поехали неправильной дорогой. В противном случае мы бы не встретились… и не встретили бы льва, — сказал он, задумчиво улыбаясь.

— Где находится Лаббот? — спросила она, сосредоточившись на одной теме, которая была у неё на уме.

— В горах, на много лиг севернее этого прохода. Если бы вы поехали той дорогой, а не этой, вы бы к этому времени уже покинули Лаббот и направились в город Эррос — в половине дня пути от Ганлука. Вместо бродяг ваш эскорт состоял бы из верных солдат, сытых, одетых и по крайней мере вполне довольных собой.

— Но не более храбрых и не более верных, чем мои солдаты удачи, — серьёзно сказала она. — Кстати, вы в курсе положения дел в Давсбергене?

— Едва ли лучше, чем ваше высочество, — ответил он.

— Молодой князь — как его зовут? — Она замолчала, глядя на него в ожидании имени.

— Дантан?

— Да, точно. Что с ним стало? Мне ужасно интересно.

— Он беглец, говорят.

— Значит, его ещё не схватили? Прекрасно! Я так рада.

Бальдос почти не выказал интереса к этой новой теме.

— Странно, что вы забыли его имя, — устало сказал он.

— О, я делаю так много нелепых вещей! — пожаловалась Беверли, вспоминая, кем она должна была быть. — Я никогда его не видела, знаете ли, — добавила она.

— Это неудивительно, ваше высочество. Он получил образование в Англии и почти не знал своей страны, когда его призвали на престол два года назад. Вы, конечно, помните, что его мать была англичанкой — леди Идой Фальконер.

— Я… кажется, слышала кое-что из его истории — совсем немного, конечно, — неубедительно объяснила она.

— Князь Габриэль, его единокровный брат, — сын князя Людовика Третьего от его первой жены, которая была польской графиней. После её смерти, когда Габриэлю было два года, князь женился на леди Иде. Дантан — их сын. У него есть сестра — Кандида, которой всего девятнадцать лет.

— Мне стыдно признаться, что вы знаете о моих соседях гораздо больше, чем я, — сказала она.

— Я недолго жил в Давсбергене и всегда интересовался делами венценосных особ. Это привилегия бедняка, знаете ли.

— Князь Габриэль, должно быть, ужасный человек, — воскликнула Беверли, и её сердце наполнилось нежными мыслями об изгнанном Дантане и его маленькой сестре.

— У вас есть причины знать, — коротко сказал он, и она была озадачена, пока не вспомнила истории о проступках Габриэля при эдельвейсском дворе.

— Князь Дантан так же красив, как о нём говорят? — спросила она.

— Это вопрос вкуса, — ответил он. — Лично я не считаю его особенно привлекательным.

День тянулся — утомительный, изнурительный своей длиной и событиями. Продвигались медленно — это было неизбежно, опасности на дороге росли по мере того, как маленький караван углублялся в дикую местность. Временами карета буквально ползла по краю пропасти — до такой степени опасно, что Беверли вздрагивала, как в лихорадке. Тётя Фанни мирно спала большую часть времени, а Бальдос предавался мечтам с широко открытыми глазами.

Вопреки её ожиданиям, аксфайнцы не появились, а если в горах и были разбойники, они предпочли не связываться с отрядом, выглядевшим весьма внушительно. Наконец до неё дошло, что аксфайнцы охраняли верхний маршрут, а не тот, по которому она ехала. Йетива, несомненно, приближалась к Ганлуку через северный проход, если враг не встретился ей раньше, чем она достигла Лаббота. Беверли вскоре начала бояться за безопасность княгини — страх, который в конце концов стал почти невыносимым.

К ночи они наткнулись на трёх граустаркских пастухов и узнали, что Ганлука можно достичь не раньше второй половины следующего дня. Усталые, голодные путешественники провели ночь в уютной маленькой долине, через которую ручей стремительно нёсся к реке внизу. Ужин был скудным — добытчикам не повезло на охоте. На рассвете они снова отправились в путь. Голод и страх истощили запас бодрости Беверли; ей было трудно скрывать осунувшееся, встревоженное выражение лица. Её нежные глаза смотрели уже не так смело и весело, как накануне; жизнерадостность стоила ей усилий, но ей удавалось поддерживать её более или менее живой. Её эскорт — жалкий, полуголодный — никогда не забывал о почтении, подобающем своей подопечной, и неуклонно шагал вперёд с упорством мучеников. Иногда её подмывало признаться, кто она на самом деле, но благоразумие подсказывало, что обман — это лучшая защита.

Под вечер второго дня передняя ось кареты сломалась, и последовала долгая, утомительная задержка на два часа. Бальдос был странно молчалив и подавлен. Только когда случилась эта беда, Беверли заметила, как раскраснелось его лицо. Непроизвольно, с состраданием истинной женщины, она коснулась его руки и лба. Они были горячими.

Раненый был в сильном жару.

Он смеялся над её страхами и насмехался над перспективой заражения крови и сотней других возможностей, которые приходили в её встревоженный мозг.

— Мы уже близко к Ганлуку, — сказал он, когда солнце садилось. — Скоро вы сможете избавиться от вашей утомительной, безрадостной компании, ваше высочество.

— Вы пойдёте к врачу, — решительно сказала она, снова полная сил, теперь, когда худшая часть пути подходила к концу. — Скажите этому человеку, чтобы он гнал во весь опор всю оставшуюся дорогу!

ГЛАВА VIII

Где Беверли торжественно въезжает в Ганлук, а барон Данглосс, который знает всё обо всех, встречает её словами: «Вы — мисс Беверли Кэлхун из Вашингтона»

К этому времени они проезжали мимо странных маленьких хижин, которые обозначали окраины обитаемой местности. Это были жилища пастухов, охотников и других людей, чьи занятия были особенно связаны с горами. Дальше появились признаки фермерского хозяйства; домов становилось больше, и выглядели они более внушительно. Скалистое ущелье раздалось вширь и перешло в плодородную долину; дорога стала гладкой и ровной — к великому облегчению путешественников.

Равон снова перевязал раны, нанесённые львом, но он не мог ничего сделать, чтобы сбить жар. Бальдос был явно болен. Беверли — между восклицаниями радости и облегчения при виде Ганлука — не скупилась на выражения заботы о герое «Ястреба и Ворона». Лихорадочный блеск его тёмных глаз и боль на лице глубоко тронули её. Страдание смягчило его худые, загорелые черты, стерев те насмешливые линии, которые так неблагоприятно поразили её вначале. Она говорила себе, что он красив — какой-то совершенно необычной красотой; это было незабываемое лицо.

— Ваше высочество, — серьёзно сказал он, после того как она долго и тревожно смотрела на его полузакрытые глаза, — мы в часе езды от Ганлука. Будет темно, прежде чем мы доберёмся до ворот, я знаю, но до конца пути вам нечего бояться. Франц отвезёт вас к сторожевому посту и передаст лошадей вашим людям. Мои друзья и я должны покинуть вас в конце горной дороги. Мы…

— Вздор! — воскликнула она. — Я не позволю! Вы должны идти в больницу.

— Если я войду в ворота Ганлука, это будет то же самое, что войти в ворота смерти, — запротестовал он.

— Глупости! У вас жар, иначе вы бы так не говорили. Я могу обещать вам абсолютную безопасность.

— Вы не понимаете, ваше высочество.

— Тем не менее, вы пойдёте в больницу, — твёрдо сказала она. — Здесь, в глуши, вы всё равно умрёте, так что вам терять? Тётя Фанни, будь осторожнее! Ты не знаешь, что малейшее движение этих сумок причиняет ему боль?

— Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне, ваше высочество. Я чувствую себя очень хорошо, — сказал он, улыбаясь.

Карета остановилась перед придорожной гостиницей. Пока одни из мужчин поили лошадей, другие собрались у открытого окна кареты. Между Бальдосом и его последователями состоялся разговор на языке, совершенно непонятном Беверли. Последние, казалось, были чем-то обеспокоены, и нельзя было не заметить, с какой заботой они относились к своему предводителю. Лжекнягиня терпела, сколько могла, а потом ворвалась в обсуждение.

— Что им нужно? — требовательно спросила она по-английски.

— Они спрашивают инструкций, — ответил он.

— Распорядитесь, чтобы они делали так, как я велю, — сказала она. — Скажите им, чтобы поторопились и нашли вам врача; вот и всё.

По-видимому, его друзья были того же мнения, потому что после долгих препирательств, в которых он упорствовал до конца, они отошли от кареты, и он откинулся назад со стоном уныния.

— В чём дело? — с тревогой спросила она.

— Они тоже настаивают, чтобы я пошёл к хирургу, — безнадёжно сказал он.

Глаза его увлажнились, и он не смел встретиться с ней взглядом. Она была полна ликования.

— Они посоветовали мне отдать себя под вашу защиту, каким бы постыдным это ни казалось мужчине. Вы и только вы имеете власть защитить меня, если я перейду за стены Ганлука.

— Я? — воскликнула она, вся трепеща.

— Я не мог бы сунуть голову в пасть смерти, если бы рядом не было княгини Граустарка, способной укротить их ярость. Только ваша рука, рука княгини, может отвратить неизбежное. Увы, я беспомощен и не знаю, что делать.

Беверли Кэлхун сидела очень прямо и молча рядом с обманутым Бальдосом. В конце концов, не в её власти было защитить его. Она не была княгиней, и у неё не было абсолютно никакого влияния в Ганлуке. Тамошние власти не обманешь так, как этих невежественных горцев. Если она приведёт его в город, вполне вероятно, что она приведёт его к смерти. Она могла только просить, а не приказывать. Окажись она рядом с Йетивой, она не сомневалась бы, что сумеет спасти человека, который так много для неё сделал, но Ганлук находился за много миль от Эдельвейса, и не было гарантии, что вмешательство удастся получить вовремя. С другой стороны, если он вернётся в горы, он, скорее всего, умрёт от заражения крови.

Беверли была в самом несчастном состоянии духа. Если она признается ему, что она не княгиня, он откажется войти в ворота Ганлука и будет совершенно прав.

— Но если я потерплю неудачу? — спросила она наконец, и по телу её пробежала дрожь, оставив её похолодевшей от страха.

— Вы единственная надежда, ваше высочество. Вам лучше попрощаться с Бальдосом и позволить ему снова искать дружественную долину, — устало сказал он. — Дальше мы не можем идти. Солдаты должны быть поблизости, ваше высочество. Если мы поедем дальше, это будет означать плен. Я не могу подвергать своих друзей опасности. Высадите меня здесь, а сами поезжайте дальше, в безопасное место. Со мной всё будет гораздо лучше, чем вы думаете, потому что я молод и силён, и…

— Нет! Я рискну, — воскликнула она. — Вы должны войти в город. Скажите им это и скажите, что я буду защищать вас своей жизнью и честью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.